Прилежаева-Барская
С. Ф. Перовская.
Л., 1926.

П-Р-И-Л-Е-Ж-А-Е-В-А-Б-А-Р-С-К-А-Я

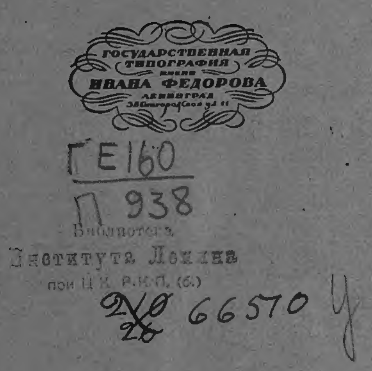
„КУБУЧ“
1926

Б. ПРИЛЕЖАЕВА-БАРСКАЯ

СОФЬЯ ЛЬВОВНА ПЕРОВСКАЯ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

РИСУНКИ, ОБЛОЖКА И КНИЖНЫЕ УКРАШЕНИЯ ИСПОЛНЕНЫ ХУДОЖН. Н. А. ПАВЛОВЫМ

Ленинградский Гублит № 8780. Тираж 5000. Заказ № 774.

ОГЛАВЛЕНИЕ

„Чем ночь темней, тѐм ярче звезды“ — чем темней была царская ночь, — тем ярче блистали звезды, какими были Желябов и Перовская, и за это их чтит и русский рабочий класс, победивший в борьбе, и рабочие всего мира.

Г. Зиновьев.
„Ист. Росс. Коммун. Партии“.

ЧИТАТЕЛЮ

В те годы, когда жила и действовала Софья Львовна Перовская, Желябов и другие народники, еще не существовало в России рабочего класса в строгом смысле слова— промышленного пролетариата.

Немногочисленные рабочие, служившие на фабриках и заводах (тогда только зарождалась наша промышленность, главным образом, текстильная и металлическая), не порвали еще с деревней, чувствовали свою крепкую связь с ней, еще не сознавали себя классом, имеющим свои особые, только ему одному присущие интересы.

Да и самого понятия «класс» в нашем современном марксистском значении не существовало для революционеров того времени. Оно заменялось неопределенным, неясным словом «народ».

Под народом понимались все,—кто физическим трудом принужден добывать хлеб свой, кто страдает от насилия и эксплуатации.

Разбудить сознание эксплуатируемых и страдающих, вызвать в них стремление бороться за иной политический и общественный строй—эта была цель революционеров народников.

Когда же они убедились, что при существующих политических условиях это невозможно, они—эта маленькая горсточка смельчаков—избрали другой путь—устрашение царизма терро-

ром. Этому делу они отдали не только все свои силы, но и самую жизнь.

Мне хочется напомнить слова т. Зиновьева из «Истории Российской Коммунистической Партии» о том, каково должно быть отношение коммунистов к народникам 70 годов.

«Мы знаем цену Желябову, Софье Перовской и всем, кто в дни царизма, висевшего тяжелыми гирями на ногах России, в те дни, когда в стране свирепствовал неслыханный варварский гнет, сумел поднять оружие против самодержавия, повести в бой первые группы революционеров и итти твердым шагом на виселицу. Пусть это хождение в народ не было пролетарским движением, пусть это было революционное движение, окрашенное в туманные социалистические цвета — пусть так, но это было великое движение, такое же, как начало Великой Французской Революции. Эти народники пробивали брешь в стене царизма, в твердыне самодержавия. Они были героями, они порывали с предрассудками, они разбивали цепи, приковывавшие их к привилегированному классу. Они отказались от всего и шли в бой за политическую свободу. Пусть они разукрашивали иногда свою борьбу социалистическими фразами, не имея определенной социалистической программы, но они и не могли ее иметь, идя в бой с лозунгом, не переходившим за пределы буржуазной демократии».

Б. Прилежаева-Барская.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Дома

ончался зимний петербургский день. Хлопья снега лениво и медленно покрывали тротуар, мостовую. Зажглись газовые фонари и осветили широкую малолюдную улицу. В этой части города, примыкающей к Таврическому саду, в невысоких, но просторных, внушительного вида домах-особняках, жили представители чиновной и придворной знати. Время от времени проезжала дворцовая карета, или щегольской экипаж, отвозивший по утрам важных чиновников, а вечерами разодетых дам — на балы и приемы.

Редко здесь можно было увидеть пешехода, и неудивительно, что миниатюрная женская фигурка с золотистыми волосами, выбивающимися из под кругленькой шапочки, привлекла внимание бородатого швейцара, вышедшего на крыльцо подышать воздухом.

«Барышня Перовская домой пошли», — сообщил он жене, вернувшись в свою комнату под лестницей.

Швейцары и дворники от однообразия своей монотонной жизни всегда живо интересуются тем, что делают, как живут их господа и господа из соседних домов.

Действительно, молоденькая розовая девушка, Соня Перовская, приближалась к своему дому. Вот он уже виден этот темно-

коричневый трехэтажный дом с двумя фонарями по бокам парадной двери. Соня замедляет шаги. Останавливается... Ее круглое, наивно ребячье личико, за минуту до того веселое, оживленное, как-то внезапно тускнеет, делается серьезным, грустным, и она мгновенно как будто становится старше на несколько лет.

Как ей не хочется итти туда, где живет человек, которого она должна называть своим отцом[1]). Как тяжело видеть его, слышать его голос... Волна едкого мучительного чувства подступает к горлу... Она помнит, как он ударил ее мать, как, обезумев от ярости, под угрозой ужасных наказаний, он приказал ребенку, своему сыну, оскорблять и издеваться над матерью. Она была крохотной девочкой, когда он при ней, при детях велел пороть «людей», крепостных. Крики и вопли истязуемых до сих пор у нее в ушах...

Узкие, детские плечики вздрагивают, но Соня делает решительное движение, направляется к двери и нажимает звонок. Оставив калоши и шубку в швейцарской, она поднимается по широкой, покрытой красной дорожкой и уставленной цветущими растениями, лестнице.

На верхней площадке у кадки с пальмой, внезапно вырастает светловолосый стройный мальчик, Сонин брат.

«Сонечка, я тебя жду. Папа сердится ужасно, все спрашивает, где ты... На маму кричал... Не ходи туда сразу».

Серые глаза под широким выпуклым лбом по особенному серьезно глянули на брата, плотно сомкнулись губы и во всей полудетской фигурке почувствовалась совсем недетская воля.

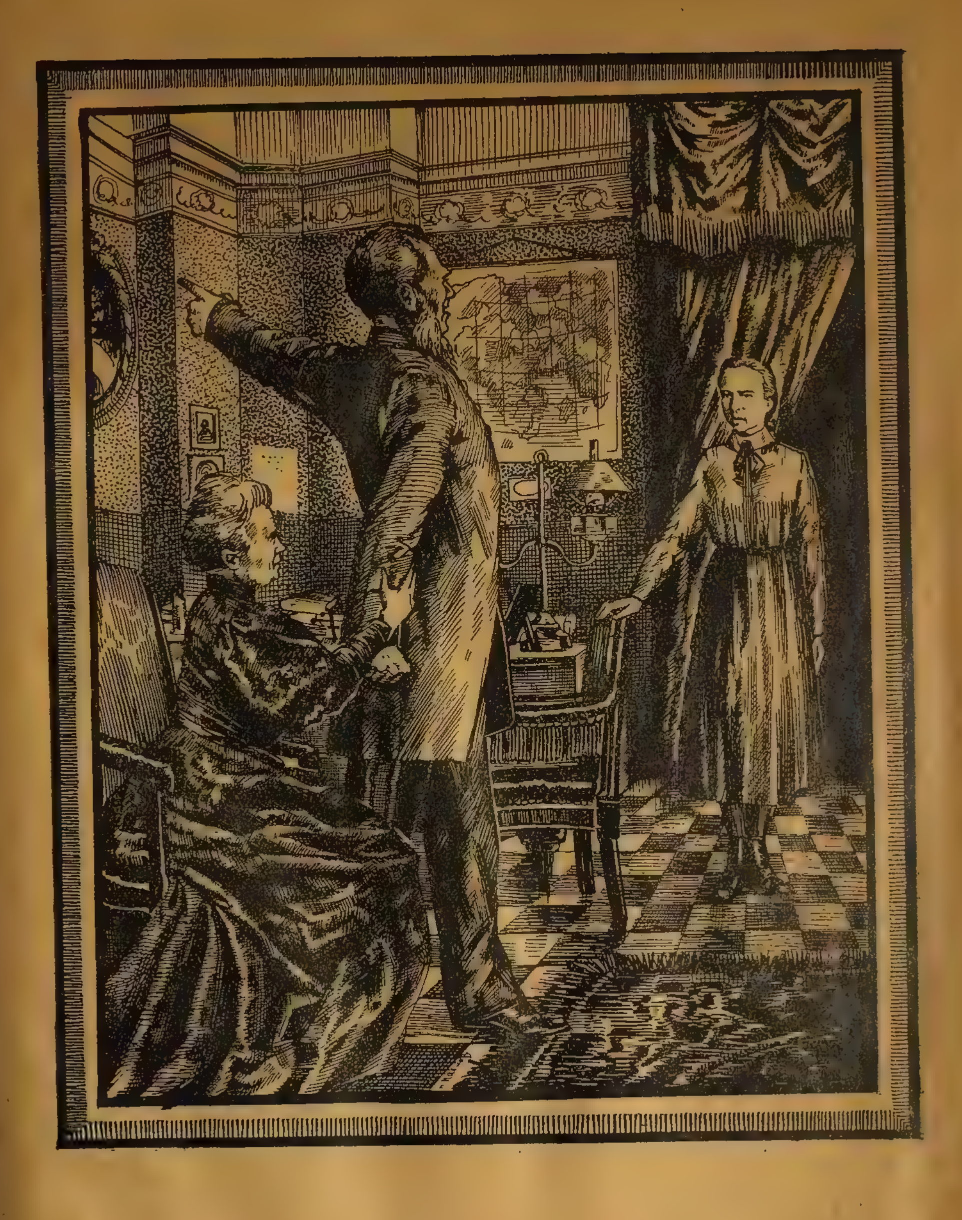
«Спасибо, братик», — Соня нежным и легким движением руки коснулась плеча мальчика.

«Я пойду все же», — и решительно шагнула к двери отцовского кабинета.

«Вы, кажется, спрашивали обо мне, папа», — металлически-звонко звучит ее голос.

---

[1]) Отец Софьи Львовны — Лев Николаевич Перовский был важным чиновником, занимал большой пост в министерстве внутренних дел.

Пожилой человек с седеющими бакенбардами резко поднимается при ее появлении и направляется в сторону сидящей в кресле миловидной женщине, с взволнованным, измученным лицом.

«Вот-с, Варвара Степановна, ваше воспитание. Девчонка шляется чорт знает где до поздней ночи»...

«Левушка, опомнись, что ты говоришь»...

«Молчать», — внезапно багровея, крикнул Лев Николаевич, ударив по столу кулаком с такой силой, что зазвенели хрустальные подвески люстры.

«Никаких возражений, когда я говорю. Я этого больше не потерплю, слышишь ты», — сказал он, обращаясь на этот раз к дочери.

«Ты из дому не выйдешь больше одна, есть у нас горничные, чтоб тебя сопровождать, и чтоб твои подружки — нигилистки — забыли путь к моему дому, слышишь ты?» — повторил он еще раз.

«Если я еще когда-нибудь увижу у себя в доме эту стриженную девку Вильберг, или Вальберг, как ее фамилия, чорт ее знает, я ее со всех лестниц спущу. Выгоню самолично»...

«Вы выгоните ее вместе со мною», — спокойно и отчетливо ответила Соня. — «Я ухожу из вашего дома с тем, чтобы больше не возвращаться» — и повернулась...

«Вон, вон» — затопал ногами отец, не помня себя от гнева, бросаясь к ней с поднятыми кулаками, но Сони уже не было в комнате.

Прислушиваясь к крикам в кабинете, испуганные жались в коридоре братья и сестра.

Кивнув головою им, Соня молча прошла к себе в комнату, расположенную в другом конце дома; сюда не долетали крики разбушевавшегося отца.

Минут десять простояла она, прислонившись головкой к стеклу, глядя вниз на улицу. Она ждет мать, она знает, что та придет непременно.

Скрипнула дверь. Варвара Степановна показалась на пороге.

«Мамулечка, родная моя, голубочка», — бросается Соня к ней. — «Как тебе больно опять».

Варвара Степановна, не говоря ни слова, притягивает к себе светлую головку дочери, нежно гладя ее волосы. Несколько минут безмолвной ласки.

«Мамочка, еще минуточку я посижу так с тобой; потом встану и уйду совсем отсюда. Жить с ним я больше не могу. Он гонит, оскорбляет моих друзей. Он стесняет мою свободу из злобы, из деспотизма. Я ненавижу его», — с какой-то особенной силой, тихо сказала она.

«Сонечка, детка», — ужаснулась мать. — «Не говори так, он ведь отец».

«Мамочка, я никогда, никогда не буду такой как ты, не сумею прощать. Во мне нет этой кротости, этой бесконечной доброты, которой так много в тебе», — отвечает Соня, прижимая ее руку к своим губам.

«Я должна учиться, и жить так, как считаю правильным. Я уйду отсюда, мне больно расстаться с тобой... Но мы не расстанемся совсем, мы будем видаться, и душою, ведь, я всегда с тобой, дорогая моя, любимая мамулечка».

Варвара Степановна не возражала Соне, только теснее прижимала ее к себе, и безмолвные слезы смачивали Сонины волосы и щеку.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Друзья

небольшой, но уютной квартирке Корниловых, по обыкновению, было много народу. Как-то вошло в обычай, если не было интересной лекции, каждый вечер собираться здесь всем вместе, читать, разговаривать и обсуждать прочитанное.

«Как жаль, что Перочки нет сегодня с нами», — сказал один из присутствующих, высокий, молодой офицер с кудрявой головой, Сергей Кравчинский.

«Да уж ей бедняжке нелегко вырваться из дома», — вздохнула Софья Александровна Лешерн, бывавшая в доме Перовских и хорошо знавшая семейные условия Сони.

Но не успела публика разместиться у стола, как раздался в передней звонок, и на пороге появилась Соня с маленьким узелком в руках.

«Вот легка на помине!» — бросилась к гостье хозяйка квартиры, Александра Ивановна Корнилова.

«Сашенька, не выгоните? Я к вам совсем, ведь, видите, с вещами».

«Что произошло?».

«Как же это случилось?».

«Как ты решилась?».

Затормошили Соню со всех сторон.

Волнуясь, но сдерживаясь, рассказала кратко о сцене с отцом.

«И ты думаешь, он так легко отпустит тебя, примирится тем, что ты сделала по-своему, одержала над ним верх», — недоверчиво протянула Люба Корнилова.

«Я домой ни за что не вернусь, скорей умру, чем буду продолжать жизнь под гнетом этого человека».

Соне не хотелось назвать его отцом.

«Ну, довольно обо мне. Вот я вижу Петр собирается нам прочитать свою записку об идеале будущего строя», — обратилась она к высокому молодому человеку с большой бородой и удивительными, светящимися добротой глазами, князю Кропоткину.

Вечер закончился поздно. Много говорили. Спорили до хрипоты, много и смеялись.

Когда все разошлись и Соню устроили на ночь на большом диване в столовой, она долго ворочалась, не могла уснуть, думая о том, что делается теперь в коричневом доме на Сергиевской.

«Бедная мамулечка, верно, тоже не спит».

Сонина подруга оказалась права. Борьба с отцом так сразу не кончилась, Он долго еще буйствовал дома, изводил жену и детей, грозил через полицию вытребовать непокорную дочь, но, в конце концов, махнул рукой и уступил.

Старшему брату удалось даже получить для нее отдельный вид на жительство.

Теперь, вдали от тяжелой семейной атмосферы, не испытывая на себе гнета самодура-отца, Соня всей душой отдалась своим друзьям.

Благодаря открытию женских курсов при 5-ой гимназии у Аларчина моста, женщине открылся доступ к образованию, и Соня с подругами с жадностью набросилась на ученье.

Лекции профессоров пополняли чтением. Покупали сообща, коммуной, сочинения Чернышевского, Лассаля, Маркса, «Сила и материя» Бюхнера и др.

Прочитавши, распространяли их среди учащейся молодежи, чтоб дать возможность и другим подумать о несправедливом

устройстве жизни, о нищете и страданиях одних, о сытой и праздной жизни других.

Кружок, к которому принадлежала Соня, состоял из людей, связанных между собой тесной и нежной дружбой; друг другу они были ближе и роднее, чем члены одной семьи. Все они стремились к одной цели — облегчить горе и страдания народа. Все они хотели стать лучше и чище, зорко следили за собой, не стеснялись говорить друзьям, если подмечали в них что-либо дурное.

Чуткие к вопросам общественной жизни, они задумывались больше всего над тем, отчего зло и неправда царят в мире, отчего крестьяне и рабочие жестоко страдают, не видя просвета. Всей душой стремились они облегчить «горе народное», но не выработали еще определенной программы, не решили еще, каким путем надо итти, чтоб пересоздать жизнь на иных, более справедливых началах.

Однако, чтение, саморазвитие и заботы об умственном развитии молодых людей и молодых девушек, вышедших из того же круга, к которому принадлежали и они сами, скоро перестали удовлетворять членов кружка. Мысль усиленно работала, ища путей.

В виду того, что Саша Корнилова оповестила всех членов кружка, чтоб непременно пришли, так как ожидается интересный доклад, все члены товарищеской коммуны сегодня в сборе.

Небольшая комната, кажется, с трудом вмещает собравшихся. На широком диване поместились Чарушин, Куприянов, Дмитрий Клеменс, Сердюков, Чайковский, по имени которого и назывались члены кружка «Чайковцами». Шишко и Кравчинский взобрались на старинный высокий комод. Ободовская, Соня Перовская и Корниловы исполняют роль хозяек. Разливают чай из пузатого медного самовара, помещенного на маленьком столике у окна, и бесшумно разносят чашки всем присутствующим.

Петр Алексеевич Кропоткин читает доклад о том, нужно ли добиваться для России конституции: стране были бы гаранти-

рованы элементарные основы законности и облегчена пропаганда во имя справедливого общественного устройства.

«Друзья мои, вы спрашиваете, как, каким способом можем мы добиваться конституции. Я скажу — путем агитации в высших сферах. У меня есть знакомые, есть родные при дворе. Если вы найдете нужным, я возьму на себя это дело. Как мне ни тяжело, ради конспирации, я не стану бывать здесь, среди вас, сохраню связь только с одним из товарищей, чтобы через него сноситься с вами, чтоб подавать вести о себе, давать отчет о сделанном и получать от вас указания и направление дальнейшей работы. Повторяю, роль эта не по мне, восстановить старые, аристократические связи, мне лично не хочется, но если вы находите такую деятельность полезной, я пожертвую своими вкусами и желаниями и сделаю, как скажете вы», — закончил Петр Алексеевич, обращаясь к товарищам.

Начались споры, обсуждения.

В результате предложение Кропоткина отвергли.

«Нет, Петруша, бог с ней, с конституцией. Это дело либералов. Пусть они добиваются политических реформ».

«У народа должны быть иные задачи — создать новые формы общественной жизни, наше дело помогать народу в этом».

«Мне представляется иной путь, чем предлагаешь ты, Петр», — заговорил Куприянов. — «Наше место не в придворном кругу, наше место на заводе, в деревне. Народ еще темен. Он страдает, не понимая, в чем причина его страдания.

«Наше дело — показать народу эти причины, научить его, как бороться со злом».

«В народе таятся живые могучие силы, их надо разбудить и направить на верный путь, и тогда он подымется не стихийно, как во времена Пугачева, а сознательно, и, поднявшись, он завоюет свое право на свободную, красивую жизнь».

«Довольно уже заниматься собственным образованием. Мы и без того слишком много знаем. Идем же делиться нашими знаниями с теми, кто ничего не знает».

«Идем служить народу, помогать ему во всем».

«Мы добьемся того, что разбудим силы народа, и поведем его к новой жизни».

«Трудное, большое дело задумали мы»,—сказала Соня Перовская.—«Может быть, не одному, двум поколениям придется лечь на нем, но сделать его надо».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

На работе

се чаще в кружке Сониных друзей поднималась речь о том, что пора уж от слов переходить к делу. Пора бросить привычную городскую культурную жизнь и поселиться среди фабричного и деревенского люда. Это стремление жить рядом с крестьянами и рабочими, терпя одинаковые с ними лишения и нужду с тем, чтоб разбудить в них потребность к иной лучшей жизни, все сильнее внедрялось в умы социалистически настроенной молодежи 70-х годов. Не в одном только Петербурге родилась и укоренилась мысль итти «в народ». И в Москве, и в Киеве, Одессе, Саратове, во всех культурных центрах России возникали кружки, подобные Петербургскому.

Однако, «итти в народ» с целью социалистической пропаганды было далеко не так просто. Нужна была подготовка. Нужно было изучить дело, которое могло бы пригодиться в деревне.

И вот члены кружка ревностно принимаются кто за изучение ремесла: кузнечного, столярного, — кто за получение диплома: сельского учителя, фельдшера.

Соня с детства любила ходить за больными. Бывало, заболеет кто-нибудь в семье или из прислуги, а она уж тут как тут со своей заботой, терпеливым и нежным внимательным уходом. И теперь она решила, что самое подходящее дело — стать фельд-

шерицей. Обрадовалась своей мысли. Написала знакомому доктору в Тверскую губернию и с нетерпением ожидала ответа.

Как-то вечером зашла к ней Александра Яковлевна Ободовская, веселая, оживленная, в приподнятом настроении.

«Сонечка, я так полна переживаниями сегодняшнего дня, что вот не стерпела, забежала к тебе, хотя дела по горло!», — говорила она, притягивая к себе подругу.

«Я проводила сегодня Лукашевича и Аитова, они уехали, во Владимирскую губернию. Знаешь, они в своих деревенских полушубках, в валенках, совсем мужики. Я думаю, никто и не заподозрит, с какой целью они пойдут по деревням «искать работы».

«Да, Шура, радостно это — порвать со всею прежнею жизнью и никогда больше не возвращаться к ней. Как я жду возможности уехать — выучусь, получу диплом и с деревней уж никогда не расстанусь».

Скоро пришло и долгожданное письмо из Твери. И Соня уехала, чтоб стать «докторской ученицей».

Она наотрез отказалась от предложенного ей помещения при земской больнице. Устроилась поблизости в крестьянской избе и решила, что лучшего и не надо.

«Поведите меня посмотреть ваше палаццо [1])», — шутливо попросил ее доктор, выходя как-то вместе с ней из обширного больничного двора, поросшего травою.

«С удовольствием», улыбнулась Соня.

«А вот и мой палаццо», вторя тону доктора, показала она, открывая дверь в свой чуланчик.

Доктор смущенно остановился. Крестьяне рассказывали, что «фершалка» уж больно бедно живет, но действительность превзошла его ожидания.

Опрокинутый ящик вместо стола, наскоро сколоченная табуретка и деревянная скамья, покрытая тоненьким одеялом, — вот и все убранство «комнаты».

«Софья Львовна, голубушка, на чем же вы спите?»

---

[1]) Дворец.

Звонкий, «серебристый», как говорили ее близкие, смех Сони был ответом на комический ужас доктора.

«А вот — вы видите, одеяло, здесь и сплю».

«Нет, родная, так нельзя. Вы себя совсем уморите, говорю вам, как старший, как врач. Кое-что я слыхал о вашем образе жизни, о том, как вы питаетесь».

Розовое смеющееся лицо Сони стало серьезным.

«Нет, Александр Павлович, не уговаривайте, — я все равно не исправлюсь. Глядите — разве я похожа на больную? Уверяю вас, что никогда я себя не чувствовала такой здоровой, веселой и радостной. Ведь, крестьяне не лучше моего живут. Чем же я отличаюсь от них? Мне надо закалить себя, мало ли что еще со мной в жизни может быть...»

Доктор только молча покачал головою, но не возражал более.

Соня сказала правду, она себя никогда еще не чувствовала так бодро, весело и хорошо.

«Эта девушка не знает усталости», — говорили о ней в больнице.

Поднимаясь со светом, она ни на минуту не оставалась без работы. Когда не бывало дела в больнице, она собирала вокруг себя деревенских ребятишек, учила их грамоте, рассказывала сказки, и десятки ручонок цеплялись за юбку «тети Сони». Ее отдыхом были прогулки в лес с ребятами. Вечером она, вела беседы со старшими, те жаловались на тяготы жизни, безземелье, подати.

«За грехи наши бог посылает, за пьянство, за сквернословие», — говаривал часто дед Еремей.

Осторожно, чтоб не смутить революционным духом, старалась Соня навести стариковскую мысль на истинных виновников и действительные причины крестьянского горя.

На долю Сони выпал большой праздник, когда случилось нечаянно подслушать отзыв о себе. Вышла она из дома, не успела завернуть за угол избы, как слышит, что Иван Пестряков, к которому приехал на побывку сын, сообщая новости, говорит:

«Скажу я тебе, милый, бог нам фершалку прислал уж на редкость. Уж истинно кого господь благословил на добрые дела, так это ее. Придешь это к ней, ночь ли, день ли и какая там ни будь погода—ни тебе слова—села себе и поехала, а то и пешим пошла. Просто скажу я тебе — святая душа. Уж если она что и говорит, то все правда, такой человек неправды не скажет. Что ни велит, то все бы, кажется, и сделал, не раздумывая».

Соня повернула обратно к себе в каморку. Громадная радость наполняла ее.

«Мы наше дело сделаем»,—говорила она про себя.

Кончился год, срок испытания на звание фельдшерицы, и Соня с дипломом в кармане отправилась в Петербург повидать друзей и сообща решить о дальнейших шагах.

Правительство обратило внимание на развивающуюся пропаганду. Все чаще и чаще приходили слухи об арестах. Поэтому Соня не решилась с вокзала ехать прямо к кому-нибудь из своих. Оставив свой легковесный багаж на вокзале, она села на конку и отправилась к знакомой учительнице, которая, поддерживая близкие личные отношения с членами кружка, активного участия в нем не принимала. К ней было ехать безопасно, и тут Соня надеялась получить сведения, кто из друзей в городе. Сидя на империале[1]) конки и глядя вниз на хорошо знакомый ей Невский проспект, спешащих по делу людей, открывающиеся магазины (время было раннее), Соня замечала с удивлением, как отвыкла она от городской суеты, странной и необычной казалась ей теперь жизнь здесь.

От Дубровиной, так звали знакомую учительницу, она узнала, что большинство раз'ехалось по деревням, в городе никого не было. Из товарищей только Шишко и Рогачев живут в Лесном.

«Соня, ты!»—радостно встретили ее. — «Ведь, вот умница, как будто почувствовала, что мы о тебе говорили. Ну, рассказывай же, рассказывай».

---

[1]) Места на крыше конки.

Скупая на слова, когда дело касалось лично ее, Соня рассказала кратко о пережитом и виденном в деревне.

«А мы тут до твоего прихода вот о каком деле говорили— решили завести пропаганду среди фабричных рабочих.

«Вот Рогачев уже служит на заводе и теперь подыскивает квартиру, чтоб было где собираться для бесед с рабочими, и жену, чтоб была хозяйка в квартире», закончил, смеясь, Шишко.

Соня увлеклась этой мыслью.

«Вот и великолепно. Возьмешь меня в жены?»—обратилась она к Рогачеву.—«Я за жену рабочего вполне сойти могу, и никому и в голову не придет, что здесь дело нечисто».

Через два дня Рогачев с «женой» поселились за Невской Заставой.

Соня была права, она так быстро и легко изменила свое обличье, что никто ни за что не признал бы ее в женщине, повязанной по-мещански платком, в ситцевом платье и больших мужицких сапогах, таскающей ведрами воду из Невы.

По вечерам собирались рабочие, приходили пропагандисты [1]). Соня, вместе с другими занимаясь с рабочими, не забывала и своих хозяйских обязанностей.

Совершенно не заботясь о своей внешности и об обстановке своей жизни, она до страсти любила чистоту и не мало времени тратила на приведение в порядок комнаты.

«Ну, не ворчи, Захарушка»,—этим именем иногда шутя называли Соню.

«Видишь, я вытираю ноги».

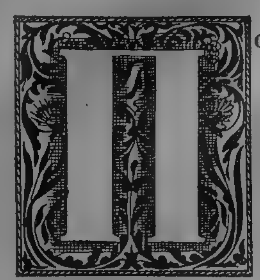
«На вас не поворчишь, так ничего и не будет»,—расхохоталась Соня, видя, как Рогачев конфузливо и старательно вытирает тряпкой свои большие сапожища.

Недолго, однако, продолжалась жизнь в Петербурге. Скоро Соню вместе с товарищами арестовали за «преступную пропаганду». Но так как серьезных улик не было, то, продержавши несколько месяцев в Петропавловке, выслали в Таврическую губернию к матери, живущей теперь там с семьей отдельно от отца.

[1]) Чарушин, Сердюков, Синегуб, Шишко, Кравчинский, Клеменс.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Большой процесс

По всей России, по деревням, по городам за 1873—74 г. было переарестовано масса народу. Следствие велось три года, и только в 1877 году началось в Петербурге слушаться дело о «пропаганде в 36 губерниях». Перед судом предстало 193 человека. Все это были члены отдельных самостоятельных кружков, возникших в разных концах России, независимых один от другого. Все они считали себя социалистами, так как мечтали о новом «справедливом» общественном устройстве.

Большую часть населения России составляли тогда крестьяне, и поэтому крестьянский быт занимал главное место в общественных вопросах.

Будущий строй, которого желали русские социалисты, рисовался им, как развитие крестьянской общины. Каждый будет работать самостоятельно на земле, составляющей общую собственность. Время от времени должен происходить передел земли, чтобы всегда равномерно распределять ее между членами общины. Таким образом, социализм в их понятии, это только общее владение, о том, что сущность его заключается в правильной организации производства, как основе народного хозяйства, до этого народники—русские социалисты того времени — еще не дошли.

Все они были революционерами, так как верили, что социализм придет путем революции. Но не было у них единой, определенной организации. Большинство из них даже не знало друг друга.

Немногие, подобно Соне, жили на воле, «на поруках» своих родных. Большей частью подсудимые провели три года в одиночном заключении.

Велика была радость, когда появилась возможность встречаться, говорить друг с другом, находить друзей среди вчера еще неизвестных, сегодня ставших близкими людей.

Веселая, оживленная появилась и Соня в зале суда. Ошеломленная потоком нахлынувших впечатлений, она переживала прилив бодрости и энергии.

«Пойми, Лара»,—говорила она своей подруге Ларисе Синегуб, жене одного из подсудимых, с которой жила вместе.— «Мне как будто бы стыдно перед товарищами за то, что вот я могу свободно двигаться, уходить из дома, возвращаться, когда захочу в то время, как они заперты в тюрьме... Мой долг, моя радость помочь им, чем могу, облегчить их заключение».

Каждую свободную минуту Соня убегала, чтобы закупить для друзей все, что могло быть им приятно или полезно.

— «В тюрьме необходимо тепло одеваться»,—говорила она, выбирая вязаную фуфайку или теплую куртку.

«В тюрьме приятно видеть цветы»,—и она посылала цветы.

Как всегда, к тем, кто нуждался в ее попечении, Соня была нежна, внимательна и заботлива, как никто.

«Перочкина рука видна»,—говорили заключенные, получая неожиданный подарок с передачей.

Суд сблизил революционеров, оторванных до того друг от друга. Стало ясно, что много уж протестующих в России, что пришло время об'единиться всем вместе. Многие из подсудимых выступали открыто и смело против правительства, говорили о народных бедствиях, о причинах их порождающих.

Речь подсудимого Мышкина заставила говорить о нем всю читающую Россию.

Взволнованная его ярким и смелым словом, Соня с тоской думала, что наиболее смелые и решительные революционеры на долгие годы будут отстранены от живой работы, и мысль вырвать их из рук врагов захватила ее.

Суд кончился. Против Перовской не было улик, и ей был вынесен оправдательный приговор. Но многие поплатились жестоко.

Ставший героем процесса — Мышкин, Войнаральский, Ковалик и старший Сонин товарищ по кружку Чайковцев, Рогачев, попали на каторгу.

Осужденных из нового тогда дома предварительного заключения на Шпалерной—перевели в Петропавловку.

Со дня на день их должны были увезти в Харьковскую центральную тюрьму.

Мысль о спасении их всецело поглотила Соню.

«Вернуть их в нашу среду более важное, более серьезное дело, чем какое бы то ни было другое», — говорила она близким товарищам: Баранникову, Квятковскому, Александру Михайлову. Она организовала слежку за Николаевским вокзалом, надеясь отбить товарищей у жандармов в тот момент, когда их будут усаживать в вагоны.

Вся поглощенная своей мыслью, Соня с утра уходила из дома и смертельно усталая, молчаливая возвращалась поздно вечером к себе.

Ларисса ни о чем не расспрашивала ее, ожидая с трепетом, когда та, наконец, сообщит ей радостную весть.

Долгое Сонино отсутствие сегодня особенно тревожит Лариссу. Когда послышались в передней нетерпеливые, легкие шаги, она не выдержала, выбежала навстречу подруге, пытливо заглядывая ей в лицо.

«Прозевали, Лара, пропустили. Их увезли в товарном вагоне, а наши следили за пассажирским».

Больше ничего не сказала Соня, только бледное, измученное лицо, да нервное подергивание губ говорили о тяжелой душевной боли.

Ночью Ларисса проснулась от чьих-то заглушенных рыданий. Зная скрытность Перовской, она не показывала виду, что замечает ее страдания.

Несколько дней спустя Соня заявила, что уезжает в Харьков.

Она не оставляла мысли спасти товарищей.

Вместе с ней выехали: Михайлов, Квятковский и Баранников.

По приезде в Харьков были сняты две квартиры. Одна на окраине города, так называемая, «центральная» — для хранения оружия, костюмов, устройства собраний, и другая на одной из лучших улиц города, чтобы укрыть освобожденных.

Соня не могла принять непосредственного участия в предполагаемом нападении на стражу заключенных, но зато много работала по организации всего дела.

Была куплена бричка, лошади. Раздобыли костюмы офицеров для нападающих.

По условному адресу получала Соня телеграммы.

«Сегодня в 12 часов ночи они будут здесь»,—сообщила она собравшимся в центральной квартире.

Сонина миссия была окончена — ей оставалось только ждать.

Проводив товарищей, она постояла минутку у двери, прижимая руку к стучавшему сердцу.

На тайной квартире на Сумской улице она решила дождаться друзей.

Убийственно медленно тянется ночь... Одна в пустой квартире из угла в угол бродит она, прислушиваясь к шуму дождя и завыванию ветра в трубе и думая все об одном:

«Удастся? Не удастся?».

Легкий стук в дверь.

«Соня, пусти, это я».

Все понятно без слов. Обведенные темными кругами глаза Михайлова, побледневшее лицо...

«Рассказывай»,—тихо, но как-то по особенному твердо не то попросила, не то приказала она.

«Верховой у почты следил, когда повезут, другой верховой был спрятан поодаль» — усталым голосом начал Михайлов.

«Мы не знали, куда повезут, на Змиев или по Чугуевской дороге. Стояли долго... Дождь как из ведра»...

«Говори», — еще раз повторила она.

«Вдруг скачет верховой: «На Змиевскую дорогу». Не прошло и трех минут, как показалась тройка... Мы погнали лошадей — тройка за нами. Мы не оглядываемся, ждем второго верхового, а его нет. Понимаешь! Нет! А между тем надо начинать, показалась белая колокольня села. Мы остановили лошадей. Останавливаемся... Я с Сашей выскакиваем из кибитки, бросаемся к тройке. «Стой» кричу. Вижу между двумя жандармами сидит Войнаральский. «Куда едете?» — «В Новоборисоглебск»,— отвечает жандарм, делая под козырек. Саша стреляет, жандарм падает. «Что тут? Что это», — закричал в испуге другой жандарм, наваливаясь всем телом на ноги Войнаральского. Испуганные лошади жандармов дернули и помчались. Мы пускаемся в погоню. Стреляем по лошадям, но, обезумев, они мчатся дальше. Наш кучер напрягает последние усилия, но мы не в силах догнать их... И вот видишь — ни с чем».

«Какой позор, стыд», — почти шепотом, стиснув зубы, проронила Соня».—«Как же вы упустили, зачем не гнались дальше? Зачем не перерезали у лошадей постромок? Зачем?..»

Напряженные нервы не выдержали, и хрупкое маленькое тело вздрагивает в бурных рыданиях.

«Соня, родная, успокойся, успокойся. Мы освободим всех. Мы не оставим их там в тюрьме. Организуем массовое освобождение».

Привыкшая владеть собой, Соня быстро приходит в себя.

Оставаться в Харькове небезопасно, и к вечеру обе квартиры были очищены.

Соня уехала повидаться с матерью в Крым, остальные в Петербург.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Побег

от я опять с вами, мамулечка! Не ждали?»

«Сонечка, деточка моя», — только и могла произнести Варвара Степановна, прижимая ее к себе.

Когда все улеглись спать и в доме стало тихо, Варвара Степановна, покончив с хозяйскими заботами, пришла, как бывало в детстве, посидеть у Сони.

Видя ее осунувшееся усталое лицо, понимала, что горе постигло ее дочь. Какое? Закрадывалась мысль, уж не полюбила ли кого-нибудь Соня, и не причинило ли это ей горе? Неужели без любви проходит молодая цветущая жизнь?

Женское чутье подсказывало, однако, что любовь не коснулась еще Сониного сердца, что пока все ее радости и горести — это успех и неудачи дела, которому отдала она все свои силы. И ни о чем не расспрашивая, гладила тихонько волосы дочери.

Материнский уход да южное солнце скоро вернули Соне надорванные было силы. И снова полная энергии и надежд собиралась она в Петербург на работу.

Дня за два до назначенного от'езда долго гуляла она с матерью по широкой аллее сада.

«Мамочка, ты знаешь, что в четверг я уезжаю. Как была бы я счастлива, если бы могла быть уверена, что ты не вол-

нуешься из-за меня, не страдаешь. Поверь, что мне хорошо, что бы ни произошло со мной в жизни, я ни о чем жалеть не буду. Я знаю, что поступаю правильно, что иначе я жить не могу».

«Не думай обо мне, родная, если мне и взгрустнется подчас вдали от тебя, на то, ведь, я мать», кротко и печально улыбнулась Варвара Степановна.

Крепко, без сновидений, спала эту ночь Соня.

«Соня, вставай, за тобой...»

«За мной? Кто?»,—ничего не понимает спросонья.

«Из Петербурга с приказом об аресте».

Вскочила. Неторопливо, но быстро оделась.

В гостиной ждал молодой, щеголеватый жандармский ротмистр. При ее появлении звякнул шпорами, поклонился.

«Имею честь, Софья Львовна Перовская?»

Соня молча кивнула головой.

«Прошу извинения. В жандармское отделение пришел приказ о вашем аресте и высылке в Повенец, Олонецкой губернии в административном порядке».

«Через десять минут я буду готова, прошу подождать».

«Мамуля, не волнуйся, береги себя»,—шепнула, прощаясь

Соню посадили в отдельное купэ с двумя жандармами. Один из них, старый с седыми усами и угрюмо добродушными глазами из под нависших бровей, очевидно, жалел молоденькую, розовую девушку, с наивным выражением на круглом личике.

«Может быть, барышня чаю хочет? Я схожу за кипятком».

«Пожалуйста»,—попросила она.

Жандарм вышел, не затворив дверь за собой.

Смелая мысль промелькнула в Сонином мозгу: шагнуть через дверь и пропасть в темноте.

«Но как же обмануть этого добродушного усача? Он, ведь, ответит начальству за меня, жалко старика».

«Ну, вот и чайку попьете».—Жандарм показался в дверях. Хлопнула дверь, и тронулся поезд.

За Харьковом сменились жандармы. На этот раз попались настоящие церберы. Четыре глаза следили за каждым ее движением, и злоба поднималась в душе.

«Теперь убегу, убегу», — твердила она про себя.

Поезд приближался к северу. Около 12 часов ночи пришел он в Чудово. До утра придется подождать, чтоб пересесть в тот, который повезет к месту назначения.

Соня пожаловалась на смертельную усталость, и жандармы проводили ее в дамскую комнату.

Не спуская с нее глаз, устроились оба у двери.

Укрывшись теплым платком, свернувшись комочком, легла она на диван.

«Слышишь, Митрий, барышня наша, кажись, уж спит».

«Ну, и слава те господи», — пробормотал другой.

Мерное дыхание, несшееся с дивана, успокаивает стражу, и оба они, утомленные за день, начинают клевать носом.

Минут пятнадцать комочек на диване лежит неподвижно. Богатырский храп в два голоса раздается в комнате.

Приподнимается край платка, и Соня, как мышка, выглядывает из под него. Снявши обувь, босиком тихонько поднимается она. Уложив платок на диване, чтоб он напоминал форму человеческого тела, шагает к двери. Сердце стучит то быстро, то замедленно.

Жандармы спят, как убитые.

Один шаг, и Соня за телом жандарма — у самого выхода.

Какое счастье, они забыли закрыть дверь, надо ее только толкнуть...

«А вдруг она скрипнет».

Но жандармы спят крепко...

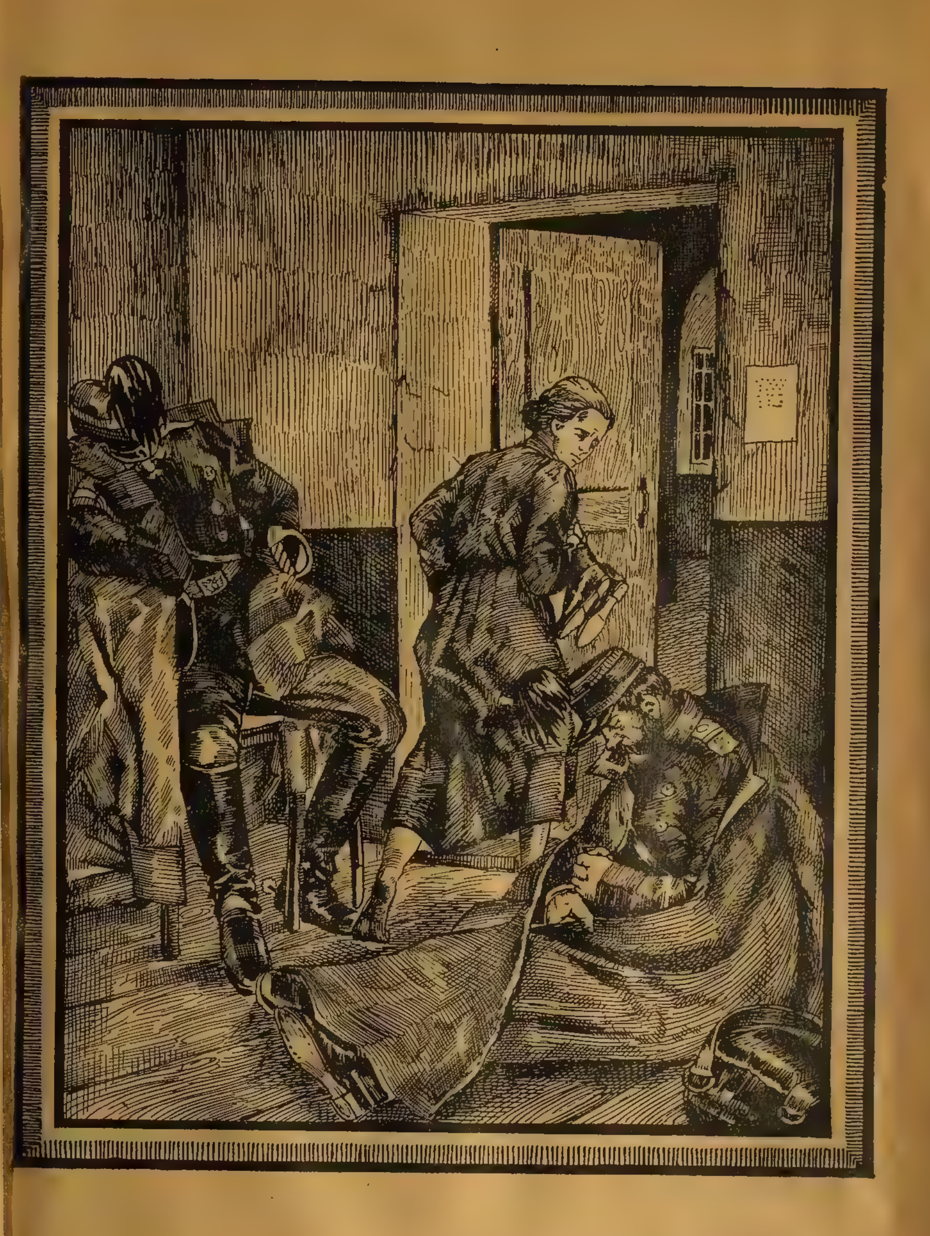
Еще один шаг, и Соня в буфете. Заспанный буфетчик не обращает внимания на босоногую девушку, шмыгнувшую мимо него.

Вот она уже на перроне. Темно. Начальник станции в красной фуражке разговаривает с железнодорожным сторожем, не замечает ее.

Вот она уже по ту сторону полотна железной дороги. Затаив дыхание, прячется в лесу среди кустов.

Ни шороха, тишина.

Жандармы в дамской комнате на вокзале стерегут плэд, ботинки и чемоданчик с вещами.

Свисток. Это идет поезд из Чудова в Петербург.

Вылезла из кустов, ждет... Вот приближается...

Вскочила на полном ходу. Стоит, озирается, как деревенская баба.

«Ваши билеты, пред'явите ваши билеты, господа».

Контроль идет.

Все засуетились, вытаскивают билеты

Только молоденькая простоволосая девушка с невозмутимым видом сидит на скамейке в ожидании контроля.

«Ваш билет».

«Не знаю, батюшка, какой тебе белет надобен, сказывали машина едет в Питер, и я села и поехала».

«Видали вы этакую дуру — деревенщину?» — обратился кондуктор за сочувствием к пассажирам.

«Ну, ладно, довезем тебя на машине в Питер, давай деньги—получай белет», — передразнивает ее кондуктор.

«Спасибо, батюшка», — спокойно отвечает Соня.

Теперь уж без приключений доехала она до Петербурга.

Приведя себя в порядок у одной из старых своих подруг, она отправилась к Шуре Малиновской, где надеялась встретить друзей. С смешанным чувством радости и какой-то тревоги приближалась она к серому четырехэтажному дому на пятой Роте.

Если не считать ее короткого пребывания здесь во время суда, четыре года она не была в Петербурге на революционной работе. Она знала, что многое изменилось с тех пор. Прежние разрозненные кружки близких товарищей, работавшие каждый самостоятельно, сменились единой организацией об'единившей всех революционеров в партию «Земли и воли». Она знала, что организация выделила из своей среды несколько групп, на обязанности одних лежала пропаганда среди рабочих и студентов, на обязанности других — пропаганда и подготовление к восстанию крестьян, третьи — должны были ослаблять правительство всеми возможными средствами — освобождать товарищей из тюрем, мстить представителям власти за произвол по отношению к томящимся в тюрьмах.

Страстно хотелось увидаться поскорее с друзьями, выслушать их мнения, поделиться своими.

Раскрасневшись от быстрой ходьбы и волнения, возбужденная, счастливая позвонила она у двери. Дверь открыла сама хозяйка. Радости не было конца. У Малиновской она застала двух незнакомых девушек, из которых одна оказалась Ольгой Любатович, бежавшей недавно из сибирской ссылки.

«И я сегодня тоже бежала, только не из Сибири».—Смеясь и волнуясь, рассказала Соня о происшествиях прошлой ночи.

Весть о приезде Перовской быстро разнеслась среди друзей, и к вечеру у Малиновской собрались гости.

Всем хотелось обнять Соню, все радовались ее удачному побегу.

Пришли: Сергей Кравчинский, старый товарищ по кружку Чайковского, Морозов, Коленкина, Оболешев, Ольга Натансон.

С приходом Александра Михайлова и Баранникова вспомнили неудачный побег Войнаральского, и Соня, до того оживленная, веселая, как-то внезапно осунулась, померкла.

Заметив это, друзья постарались отвлечь ее внимание.

Недели две тому назад среди белого дня был заколот кинжалом шеф жандармов генерал Мезенцев, помешавший смягчению приговора по делу 193-х и высылавший в административном порядке оправданных по суду.

Убийца Мезенцева сидел здесь среди гостей, это был Сергей Кравчинский.

«Как удар громовой, всенародная казнь
Над безумным злодеем свершилась»,

начал читать Морозов стихотворение Ольхина, посвященное Кравчинскому:

«То одна из ступеней от трона царя
С грозным треском долой отвалилась.
Бессердечный палач успокоен на век,
Не откроются мертвые очи,
И трепещет у пышного гроба его
В изумлении деспот полночи».

Заговорили о политических убийствах и вообще о работе дезорганизаторской группы партии «Земли и воли», т. е. той части организации, которая взяла на себя непосредственно борьбу с правительством.

«Мне жалко», — задумчиво сказала Соня, — «что силы, которые надо тратить на деревню, обездоленную, сирую, расходуются на другое».

«Да, дружочек, но расстраивая ряды правительства, мы помогаем нашему замученному, голодному народу».

«Да, конечно, конечно, я не возражаю, но мне все-таки кажется, что в деревне мы нужнее всего. Кто хоть немного пожил среди народа, того с неудержимой силой влечет обратно в деревню».

«Ты сама себе противоречишь, Соня, ведь, вот же ты тратила свои силы не на деревню», — невольно вспоминая Харьковские события, сказал Баранников.

«Да разве можно быть равнодушной, читая вот это» — и Кравчинский взял со стула принесенную им брошюру «Заживо погребенные», описывавшую жизнь заключенных в тюрьмах.

Затаив дыхание, в глубоком молчании слушали Кравчинского. Сергей кончил.

Взволнованная, поднялась Соня со стула. «Друзья, надо ехать туда, спасти их во что бы то ни стало. Спасти всех, до одного. Устроить массовый побег».

Она готова сейчас же, сию минуту отправиться в Харьков.

«Соня. Погоди, ты уедешь через несколько дней, есть еще здесь важное дело», — сказал Кравчинский — «После события 4-го августа [1]) я должен на время скрыться из Петербурга, но уехать, оставивши дела, я не могу. Меня должен кто-нибудь заменить. Я думал Лев Тихомиров. Напиши ему, Соня, вызови его сюда на мое место, тогда я со спокойной душой уеду».

---

[1]) Убийство Мезенцева.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Разногласия

оня настояла на своем. Быстро уладив дела в Петербурге, через несколько дней уехала в Харьков. С странным и смутным чувством покидала она на этот раз Петербург. Пришлось пробыть там недолго, но и этого короткого времени было достаточно, чтобы заметить, что новое течение намечается в партии, что некоторые близкие задушевные ее товарищи готовы всецело уйти в борьбу с правительством; таким образом то, что до сих пор считалось основным и главным в революционной работе — поселение в народе с целью организации его для будущей революции, как будто бы отходило на задний план.

«Ну, вот я сама: я приехала сюда, чтобы освободить арестованных, я опять не в деревне, но иначе нельзя, ведь»...

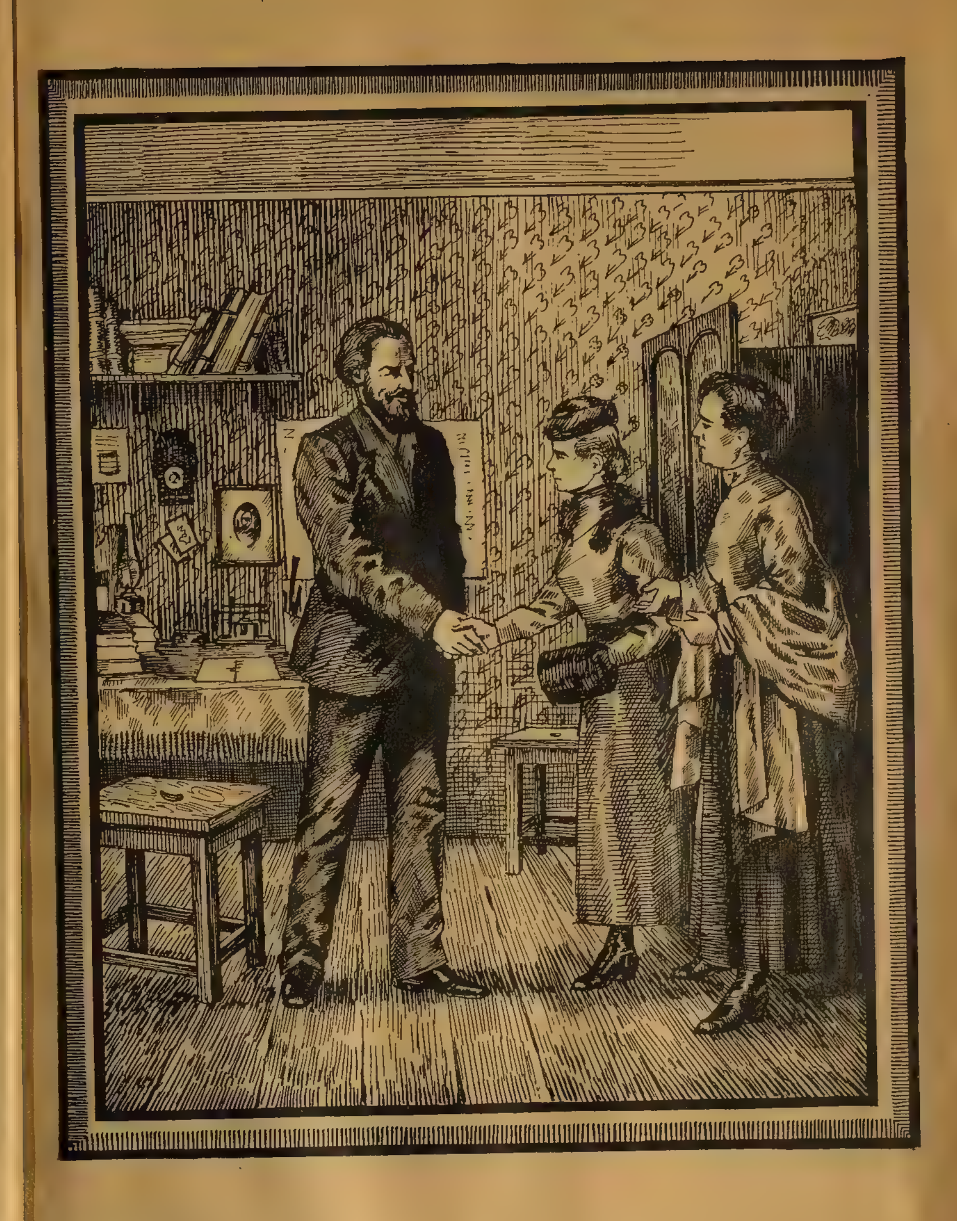
Петербургские товарищи обещали помощь деньгами и людьми. и теперь, казалось бы, успех обеспечен.

Но не прошло и трех недель, как Соню постиг удар.

15-го сентября в Питере были произведены аресты многих видных членов партии.

Арестовали Ольгу Натансон, Малиновскую, Оболешева Чудом спасся Александр Михайлов. Снова рушились все планы. и приходилось теперь уж, повидимому, навсегда отказаться от горячего страстного желания, столько времени ею владевшего.

Из Харькова Соня решила, однако, не уезжать. По приезде сюда она поступила по фальшивому паспорту на акушерские

курсы. Все не оставляя своей мечты о работе среди крестьян, она вооружалась всем тем, что могло ей пригодиться в деревне. Кроме того, ею были организованы кружки для занятий с рабочими и молодежью, и не хотелось покидать начатого дела.

Как-то однажды вечером, возвращаясь с своих пропагандистских занятий, Соня забежала по дороге домой к приятельнице, жившей неподалеку от нее.

«Я тебя задержу — посиди, отдохни, у меня Желябов, товарищ из Одессы, познакомься, мне интересно твое мнение».

Соня нехотя уступила просьбе подруги, сняла жакетку и зашла в небольшую студенческую комнатку. Навстречу ей поднялся высокий красивый молодой человек с темной окладистой бородой, Танин гость.

— «Я очень рад с вами познакомиться. Заочно я знаю вас давно», — приветливо сказал Желябов, крепко, как старой знакомой, пожимая ей руку.

От всей его крупной фигуры, красиво закинутой головы, веяло здоровьем, силой, бьющей через край жизнерадостностью и недюжинной волею. Смуглый румянец, ослепительно белые зубы, когда он улыбался, и ясные голубые глаза делали его неотразимо привлекательным.

Соня не могла не признаться себе, что она поддалась обаянию этого человека, и, изменив свое первоначальное решение не задерживаться у Тани, а итти прямо домой, осталась на весь вечер.

Незаметно пролетел он в оживленной, увлекательной беседе. Разговор, конечно, коснулся и вопроса, который занимал Соню со времени ее приезда из Петербурга — о том, что политическая борьба, борьба с правительством начинает все больше и больше отвлекать революционеров от работы в народе, в деревне.

«Я сам горячий народник, Софья Львовна, вы знаете, я первый из нашей группы после суда [1]) отправился к себе на родину и жил там крестьянской жизнью, ничем не отличаясь от своих бывших односельчан. Но посмотрите, что творится —

---

[1]) Желябов также судился по делу 193.

только начнете настоящую работу, только заговорите смелым, правдивым языком, как появится урядник, вас арестуют и вышлют. Из-за пустяков, из-за мелочей, приходится погибать, бросать дело».

«Я, как и вы, часто думаю о том же, но мне начинает казаться, что надо дать почувствовать правительству, что мы сила, что на его террор мы можем ответить своим; оно должно будет пойти на уступки, и таким образом расширится путь для работы в народе».

«Мы с Соней, вероятно, не можем отделаться от основного положения партии, что только революция «снизу», поднятая самим народом во имя экономических интересов, может привести к переустройству общественного строя на социалистических началах», — сказала Татьяна Ивановна.

«До сих пор мы отвергали, ведь, всякую политическую борьбу, а теперь отдаем ей силы».

«Мне кажется, друзья мои, что если жизнь выдвигает новые вопросы, то не страшно внести и поправки в программу партии», — улыбаясь, закончил Желябов, — «а, впрочем, мы, ведь, еще ничего не решаем и не постановляем. Это дело партийного с'езда, если он соберется».

«А теперь, я думаю, пора и нам собираться по домам», — вскочила Соня, взглянувши на часы. — «Ведь, завтра мне чуть свет надо бежать по делам». — Распростились — ушли.

На следующий день Желябов уехал в Одессу.

«Ну, как ты находишь его», — как-то спросила Таня подругу. — «Его очень ценят в южных кружках».

«Андрей Иванович представляется мне человеком громадной силы и ясного логического ума. В нем чувствуется большое душевное здоровье, это так важно для революционера». — ответила Соня. Разговор о нем больше не поднимался.

Зима прошла в напряженной интенсивной работе. В начале апреля произошло событие, взволновавшее Россию — покушение Соловьева на жизнь Александра II.

Приехавший из Петербурга товарищ рассказывал о той буре, какая разразилась среди землевольцев по этому поводу.

«Когда Михайлов, с которым Соловьев поделился своим планом, заговорил в Совете партии о помощи ему—вы не можете представить, что поднялось. Часть товарищей во главе с Плехановым высказалась в очень резкой форме против покушения. Кто-то назвал Соловьева «погубителем народного дела».

Покушение на жизнь царя с новой силой всколыхнуло разногласия в партии. Становилось ясно, что либо существуют в партии два непримиримых течения, либо есть какое-то взаимное непонимание, которое надо уничтожить.

Так или иначе, но необходимость с'езда была очевидна. Все землевольцы стали деятельно готовиться к нему.

Группа товарищей, помогавшая Соловьеву в его покушении и вообще сочувствовавшая террористическому направлению, решила во что бы то ни стало отстоять свою точку зрения.

Для того чтобы сговориться друг с другом, они с'ехались в маленьком городке—курорте—Липецке до начала общего с'езда, назначенного на конец июня в г. Воронеже. В числе собравшихся в Липецке были: Желябов, Морозов, Баранников, Александр Михайлов и др. Соня не подозревала о липецком совещании. Ее считали горячей народницей и, не зная ее отношения к террору,—не пригласили.

С начала июня Воронеж начал наполняться новыми людьми. Местным жителям казалось, что в нынешнее лето наплыв дачников несколько больше, чем в предыдущее. Но ни полиции, ни обывателям не приходило в голову, что молодая веселая компания человек в 25, отправившаяся сегодня утром в лодках по реке Воронежу с самоваром и провизией, имеет какие-нибудь другие цели помимо намерения весело погулять на лесистых островах.

«Вот хороший зеленый островок, устроимся-ка здесь, товарищи»,—предложил Михайлов. — «Здесь нас никто не услышит и не увидит».

Причалили. Расположились.

«Товарищи,—обратился к присутствующим Плеханов,—прежде всего я прошу Морозова прочесть его статью о политических убийствах».

Политические убийства, террор — вот из-за чего начались разногласия, и этот острый вопрос был поставлен прежде всего на обсуждение.

Морозов вынимает из кармана напечатанный на тончайшей бумаге в тайной типографии листок «Земли и Воли».

— «Политическое убийство это прежде всего акт мести. Только отмстив за погубленных товарищей, революционная организация может прямо взглянуть в лицо своим врагам», — твердым голосом начал он.

«Когда приверженцев свободы было мало, они всегда замыкались в тайные общества. Эта тайна давала им громадную силу. Когда к этой тайне присоединится убийство, как прием борьбы, тогда революционеры становятся страшными для врагов...

«Неведомая никому подпольная сила вызывает на свой суд высокопоставленных преступников, и сильные мира сего чувствуют, что почва теряется под ногами»...

Когда Морозов кончил — воцарилась глубокая тишина.

— Только так должны говорить революционеры, — раздается голос Фроленко, одного из участников Липецкого с'езда.

— Все ли вы так думаете? — взволнованно спрашивает Плеханов.

— Я не вижу в статье Морозова противоречией с нашей старой программой «Земли и Воли», — слышится в ответ голос другого товарища. — Почему не допустить на равных правах политическую деятельность в городе и социалистическую пропаганду в деревне.

Желябов не выступал на с'езде, но возвращаясь домой вместе с Соней после первого собрания, логично и ясно развивал ей свои взгляды.

— Наше дело, наши задачи — социальная революция; сломить деспотизм, уничтожить монархию, создать в России такие условия, при которых была бы возможна идейная борьба — это дело не наше, это дело либералов. Но они бессильны, и поэтому мы, революционная партия должны взять на себя и эту задачу. Разве вы со мной не согласны, Софья Львовна?

— Головой я согласна, а сердцем нет, сердце мое там в деревне, с народом и только с ним.

— А я все же надеюсь совратить вас в свою веру, Софья Львовна, и вот увидите совращу,—шутливо грозя, простился с ней Андрей Иванович.

С'езд закончился; раскола партии еще не произошло; но чувствовалось ясно, что часть товарищей вступила на новый путь и с этого пути не сойдет. Путь этот—политическая борьба—требовал иных приемов, иной организации, чем работа в деревне. Расхождение было неизбежно.

Действительно, не прошло и двух месяцев, как партия «Земли и Воли» перестала существовать. Народники оставили за собой работу в деревне,—террористы взяли на себя политическую борьбу. Одни назвались «чернопередельцами» в знак того, что их цель наделить землей крестьян по новому справедливому принципу; другие—народовольцами в знак того, что их цель заменить самодержавный режим свободным политическим строем, который будет выражать Народную Волю.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

«Народная Воля»

оня не примкнула пока ни к той, ни к другой группе. С юных лет мечтала она о том, что поселится в деревне, среди людей, которым каждый день, каждый час сможет облегчать жизнь и приносить радость. Слишком тяжело было теперь отказываться от этой мечты. Бывают натуры, для которых давать свою ласку, любовь и заботу— высшее счастье. Соня была одной из таких редких натур.

Среди товарищей, приехавших из Воронежа в Петербург, был и Желябов. Часто теперь встречался он с Соней. Желание завербовать ее в новую партию, работать с ней вместе рука об руку овладевало им все сильней. Под нежным, женственным обликом ее он угадывал громадную силу воли и стойкость истинного бойца революционера; он понимал, что привлечение ее в партию — громадное приобретение. Но была и еще причина, которая заставляла его настойчиво желать Сониного участия в «Народной Воле». Сочетание нежности и силы, кротости и твердости привлекало его к Соне как человека, как мужчину.

Он говорил часто впоследствии, что тот день, когда она дала свое согласие — он считает счастливейшим днем своей жизни.

Глубоко взволнованная вернулась и Соня после решительного разговора с Андреем Ивановичем. Внешне она была, однако, по обыкновению спокойна и сдержанна. Удивительна была эта ее способность никогда не проявлять во вне своих чувств.

Соня сознавала, что кончилась большая полоса жизни, мечты о мирной пропаганде, о работе на пользу народа и жизни среди него. Наступает новый период, резко отличающийся от прежнего. Все силы свои она отдаст теперь только борьбе с врагом, борьбе жестокой, не на жизнь, а на смерть. Она не будет щадить ни себя, ни других во имя свободы народа, до которой, быть может, ей не придется дожить.

26 августа (1879 г.) Исполнительным Комитетом партии Народной Воли был вынесен смертный приговор Александру II.

— «Можно ли простить царю все то зло, которое он сделал и еще сделает в будущем? Можно ли простить ему длинную вереницу гонимых в сибирские тундры и на каторгу только за то, что они любили народ? Можно ли простить ему замученных и погубленных товарищей?»

— Нет, — был единогласный ответ.

И с этого момента вся деятельность партии направляется к одной цели — организовать убийство Александра II.

Задача нелегкая, требовавшая колосального напряжения сил, энергии.

Денежных средств у партии было мало и это осложняло дело.

Царь находился в Крыму. Осенью он должен вернуться в Петербург. Решено устроить ряд подкопов по пути следования царского поезда с целью взрыва его под Александровском, Одессой и Москвой.

Саратовский мещанин Михайло Иванович Сухоруков с женой Мариной Семеновной купили домик на окраине Москвы в раскольничьем поселке. Все кругом убеждены, что вновь поселившиеся тоже раскольники. Ничем не отличаются они по внешнему виду от соседей. Сухоруков — степенный, солидный мужчина лет 33-х, бороды не бреет, табаку не курит, знает грамоту. Жена его домовитая хозяйка, скромная женщина.

Никому и в голову не придет, что это революционеры, замыслившие убить царя, что Сухоруков, в действительности, Лев Гартман, а Марина Семеновна, Софья Перовская.

— Что это ты, Марина Семеновна, целую гору провизии накупила?—Спрашивает соседка.—Вас, никак, ведь, только двое.

— Да вот стариков наших все поджидаем, може сегодня и приедут. Да уж я, Лукерья Петровна, знаешь, люблю, чтобы в доме всего вдоволь было.

Ночью проснулась Лукерья Петровна и слышит, под'езжает кто-то к Сухоруковым. Заскрипели ворота, раздался топот шагов. Прислушивается, мужа разбудила.

— Знать, наши приехали, староверы, моленье верно. Смотри, Луша, не проговорись длинным своим бабьим языком, а то, не приведи господи, до полиции дойдет, своих же братьев погубишь.

— Да что ты, батюшка, Федор Митрич, да рази я не понимаю, чтоб языком-то трепать зря. Это я тебе только и говорю, а то давно уж я соображать стала, что это Марина Семеновна припасов-то накупает, что не спроста это...

— Да молчи ты, сорока, — прикрикнул на нее муж.

Так оберегали революционеров соседи, почитая их за своих, за раскольников.

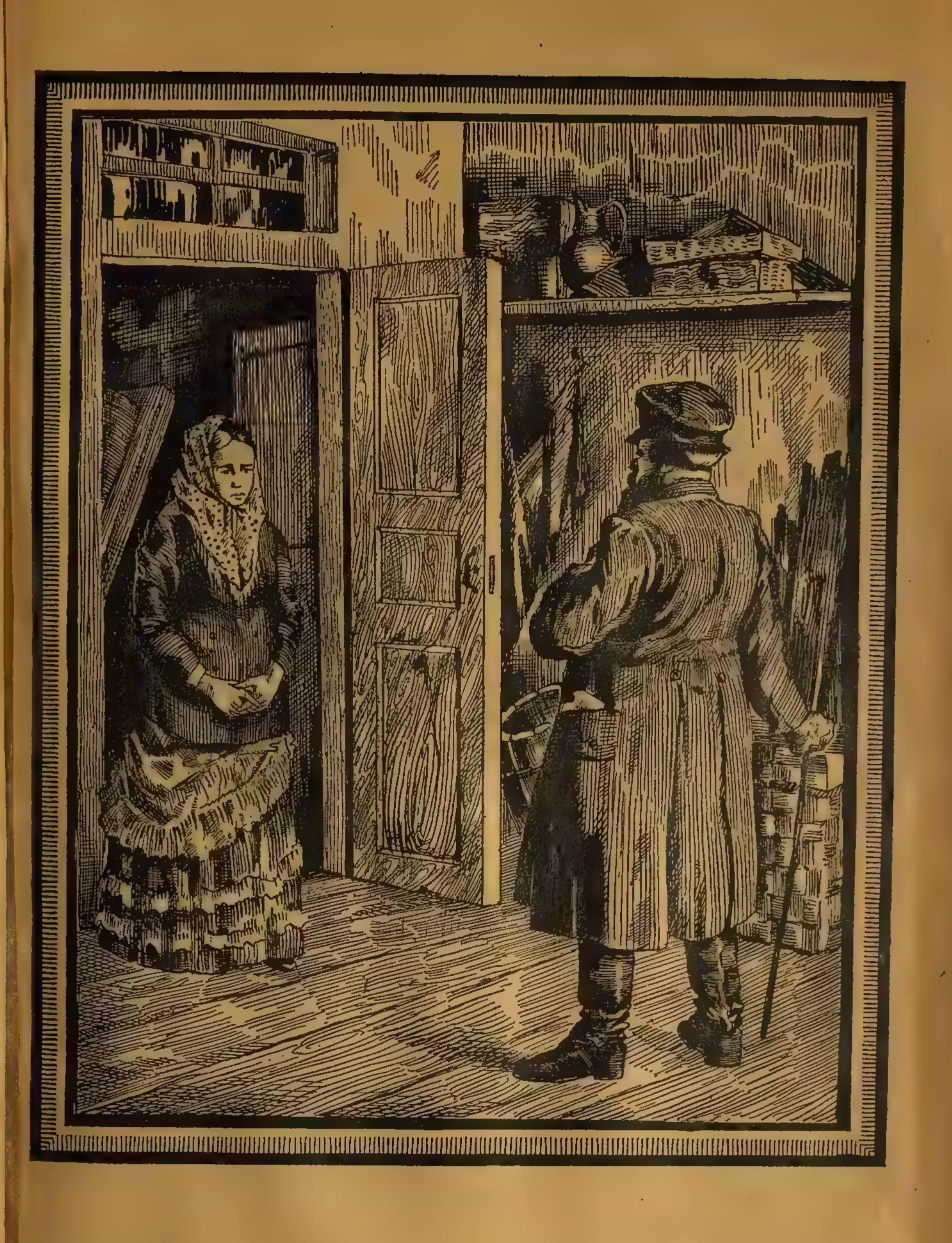
Каждую ночь к деревянному домику под'езжал извозчик, подвозил товарищей и тут начиналась работа.

Баранников, Александр Михайлов, Ширяев, Исаев и сами хозяева вооружались лопатами и рыли подземный ход.

Дом отстоял далеко от полотна железной дороги, и копать приходилось долго, упорно, чтоб в конце подземной галлереи заложить динамит, который в момент прохождения царского поезда будет взорван.

Галлерея заливалась водой. Никаких приспособлений для работ не было, не было сверлильной машины, не было непромокаемых костюмов, работать приходилось в воде обыкновенными лопатами.

— Надо приобрести сверлильную машину, — решительно заявила Соня. — Лопатами мы никогда не кончим работы.

— Ну, оставь ты это,—махнул рукой Гартман.—Ведь, денег же нет.

— Достанем. Заложим дом.

— Какой дом?

— Да наш же, этот.

— А, ведь, это хорошая мысль,—подхватили товарищи.

— Ну, ладно, поговорим с купцом,—согласился Сухоруков-Гартман.

Через несколько дней в отсутствие хозяина, явился купец осматривать дом. Его не ждали. За стеной велась работа, пустить нельзя было. Вышла Соня: руки на животике, повязанная платком — совсем мещанка из предместья.

— Здравствуй, батюшка. Что угодно?

— Да вот дом-то ваш, под заклад хотите, так я для осмотра пришел.

— Да что ты родимый? да я-то ничего не знаю.

Купец втолковывает, а она опять за свое: — Да ужо я не знаю без Михайлы Ивановича.

Видя, что с такой бестолковой бабой ничего не поделаешь, ушел до другого разу.

Дом все же заложили, получили деньги, купили сверлильную машину, и работа пошла быстрее.

Наконец, наступило 19-ое ноября, сегодня царь должен проехать Москву.

Соня из мезонина дома зорко следит в бинокль за полотном железной дороги. Она спокойна, тверда и хладнокровна, как всегда. Вот, наконец, показался весь залитый огнями царский поезд. Соня дает сигнал. Ширяев смыкает ток — раздается оглушительный взрыв.

Соня и другие товарищи оставляют дом, бегут к месту взрыва.

Развороченные рельсы, разбитый поезд, но не тот, не царский, — другой.

Ширяев замедлил, слишком поздно взорвал динамит, царский поезд успел проскользнуть.

Замешавшись в толпу, отойдя от места взрыва, Соня садится на первый попавшийся поезд и приезжает в Петербург. Спаслись и другие товарищи.

Вся полиция Москвы была поднята на ноги. Обратили внимание и на оставленный дом, исчезнувших жильцов и стали разыскивать по России мещанина Сухорукова с женой Мариной Семеновной.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Любовь

и одно из пяти задуманных покушений на жизнь Александра II не увенчалось успехом. Вслед за Соней явились в Петербург Александр Михайлов, Баранников. Приехал и Желябов с юга. Снова собрались все вместе и с неослабной энергией стали готовиться к новой борьбе.

Как-то засидевшись на одном из совещаний, вышли вместе — Соня и Андрей Иванович. Начиналась зима, выпал снег и белой, пушистой пеленой покрывал тротуары, мостовую.

Было тихо на пустынной II-ой линии Васильевского острова. Подмерзло. Поскользнувшись, Соня инстинктивно ухватилась за руку Желябова, он задержал ее в своей. Несколько минут шли молча... Потом заговорил Андрей:

— Как я рад, Соня, что мы вместе, как я счастлив, что вы присоединились к нам. Помните, как колебались?—спросил Желябов, заглядывая ей в глаза.

— Пусть неудачи, мы сломим все неудачи. Я верю в то, что мы все разобьем на своем пути и победа будет за нами.

Опираясь на руку Андрея, молча шла она рядом с ним, и громадная яркая радость, слов для которой не умела найти, поднималась в душе. Вера в победу партии, вера в счастье

народа и новое, еще никогда неиспытанное, еще совсем неизвестное чувство... Любовь...

Несмотря на превратность и опасности своей жизни, Соня не оставляла надолго Варвару Степановну без сообщений о себе. Вечно скрываясь и живя под чужими фамилиями, она умудрялась переписываться с матерью.

Письма получала для нее Софья Андреевна Иванова через свою знакомую. Но не так-то легко добраться к Софье Ивановой. В Саперном переулке в одной из квартир спокойного, солидного дома живет чиновник в отставке — г. Лысенко с супругой. Чиновница Лысенко и есть Софья Иванова. В этой спокойной уединенной квартире находится типография газеты «Народная воля». Налаженная с величайшим трудом, она тщательно оберегается от возможного провала и никому из товарищей, кроме двух лиц, причастных к редакции, нет сюда доступа.

— Дворник, милый, — обратилась Соня к Александру Михайлову. — Дворником его называли шутливо друзья за то, что он зорко следил, чтоб не нарушали правил конспирации[1]

— Мне нельзя итти на Саперный — ты будешь там, скажи Соне, я буду ждать ее в Александринке в пятницу, пусть принесет туда все письма, какие есть для меня.

— И враг же я этих театров, этой неосторожности.

— Не ворчи, голубчик, исполни, о чем прошу.

— Ну, да что с тобой поделаешь, ладно.

Взволнованная возвращалась Соня из театра, неся в муфте два толстых письма.

Дома быстро раздевшись, легла в постель, перечитала письма, улыбнулась, закрыла глаза, но сон не идет. Сбросив одеяло, села на постели. Захотелось видеть мать, сказать ей о большом и важном, что произошло в ее жизни.

Новая встреча с Желябовым убедила ее, что она любима. и любит.

Как часто грустила Варвара Степановна, что без любви проходит Сонина жизнь.

---

[1] Предосторожности.

Ни один мужчина до сих пор не привлек ее внимания, не казался значительным, достойным любви. И никогда в мечтах своих не видела она ни семьи, ни счастья с любимым. В жизни ее, отданной целиком на служение делу, казалось, не оставалось места для личных чувств. А теперь? Что же случилось теперь?

Она сознавала, что большое властное чувство овладевает ею все сильнее и сильнее, но не радости в обыденном смысле ждет она от любви. Это пусть останется для других, а для нее... работать с любимым для счастья народа, и, когда настанет время, с ним вместе погибнуть...

Часто любовь у женщины отнимает все душевные силы и поглощает их целиком. С Соней случилось иное. Полюбив, она ощутила в себе еще больше энергии и сил, еще больше готовности и способности работать во имя своей идеи, которой служил и любимый. Самые близкие из друзей, знавшие, как она умела отдаваться делу, и те поражались избытком душевных сил, которые проявила она теперь.

Кончался 1879 год.

— Вот что, друзья, — предложил Фроленко после одного из деловых совещаний. — Новая конспиративная квартира еще пока совсем чиста [1]). Воспользуемся этим, чтоб собраться всем вместе для встречи Нового года. Веселая встреча — хорошее предзнаменование.

— У тебя всегда удивительно удачные мысли, Михайло, — радостно откликнулась Соня.

— Браво, браво, — зааплодировал Желябов, — только как наш «дворник» посмотрит на этакую вольность, — кивнул он в сторону Михайлова.

Но и Александру Дмитриевичу самому, видимо, сильно захотелось провести вечер с товарищами, и он не возражал.

— Чудо из чудес! «Дворник» не протестует, видно, и встреча, и Новый год будут необыкновенно удачны.

Многие знали, что готовится взрыв в Зимнем дворце, хотелось верить, что этот замысел приведет к желанному концу.

---

[1]) То есть, безопасна в полицейском отношении.

31-го декабря маленькая квартира на 13-ой линии стала наполняться народом. Приходили по одиночке. Одному человеку легче прошмыгнуть незамеченным мимо дворника, днем и ночью, в праздник и в будни дежурящего у ворот.

— Чем меньше попадаешься на глаза — тем для тебя полезнее.

Этот завет Александра Дмитриевича Михайлова, своего партийного «дворника», помнили твердо.

Раньше всех пришли «хозяйки», — Соня, Геся Гельфман, Ольга Любатович, Якимова. Затем стали появляться и мужчины — Фроленко, Колоткевич, Желябов, Морозов, Александр Михайлов, Саблин.

Радостно и хорошо чувствовали себя каждый из пришедших. Кругом близкие и любимые, все об'единены одним желанием, все стремятся к одной цели.

— Да тут, я вижу, целое пиршество готовится.

На круглый стол, накрытый белой скатертью, поставили большую суповую миску с вином, ромом, кусками сахара, лимоном и пряностями.

— Да, да, будет жженка, — откликнулась Соня.

Она встала, потушила свечи, поднесла спичку к миске, ром зажегся, и синее пламя осветило лица толпящихся у стола.

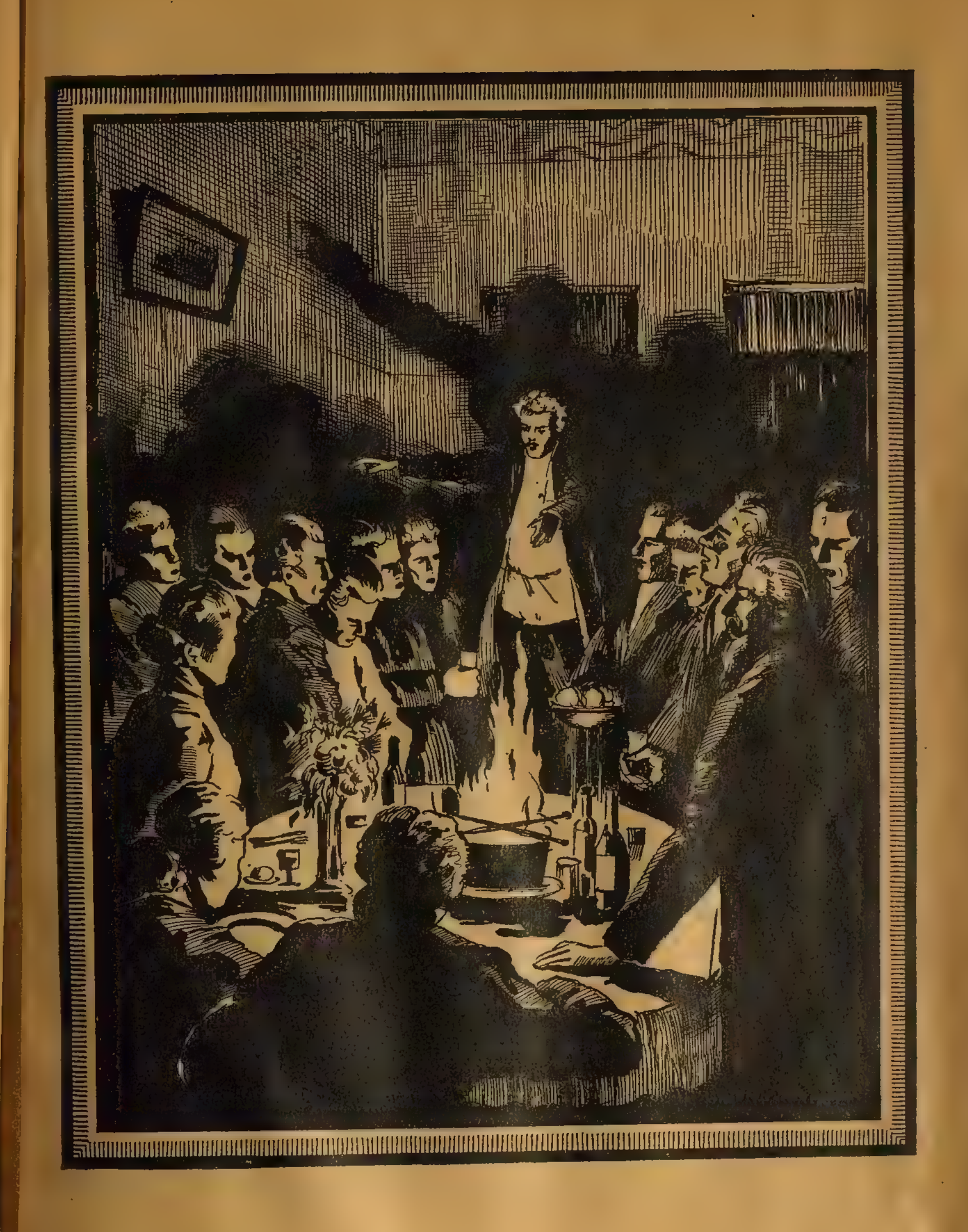
Морозов вынул свой кинжал, положил его на чашу. То же сделали Желябов, Колоткевич и остальные.

«Гой, не дивуйтеся, добрые люди,
Що на Украине повстанье...»

Звуки старинной гайдамацкой песни неожиданно раздались в комнате. Это запел Фроленко, подтянул Желябов, к ним присоединились другой, третий, образовался хор. Создавалось торжественное, приподнятое настроение.

Жженка готова, снова зажжены свечи. Часы бьют двенадцать... Новый год наступил...

— С новым годом, с новым счастьем. — Только одно пожелание у всех на устах — счастье, свобода России. Чокаются, обмениваются рукопожатиями, поцелуями.

«Смело, друзья, не теряйте бодрость в неравном бою,
Родину-мать вы спасайте, честь и свободу свою...»

запел женский голос, его поддержали, и снова звуки хоровой песни зазвучали в комнате.

«Если ж погибнуть придется в тюрьмах и шахтах сырых,
Дело всегда отзовется на поколеньях живых».

Песня кончилась. На мгновенье замолкли все. Невольно вспомнились погубленные товарищи...

Морозов поднимается и взволнованным голосом начинает:

«ПОСЛЕ КАЗНИ 4-го НОЯБРЯ».

«И опять палачи... Сердца крик замолчи...
Снова в петле качаются трупы
На мученья бойцов, наших лучших сынов
Смотрят массы безжизненно тупы.
И приходится вновь биться с шайкой врагов
За свободу, права человека...
Я топор наточу. Я себя приучу
Управляться тяжелым орудьем,
В сердце жалость убью, чтобы руку свою
Сделать страшной бесчувственным судьям.
Не прощать никого, не щадить ничего.
Смерть за смерть, кровь за кровь, месть за казни!
Братья, труден наш путь. Надрывается грудь
В этой битве с бездушною силой.
Но сомнения прочь! Ведь, не все ж будет ночь.
Свет блеснет хоть над нашей могилой!
И покончив борьбу, вспомнив нашу судьбу,
Обвинять нас потомки не станут!
И в свободной стране, оправдают вполне,
Добрым словом погибших помянут».

Затем заговорила Соня.

— Нет, Николай, не месть. Первый выстрел, выстрел Веры Засулич, был не местью, а возмездием за поруганное человеческое достоинство [1]), но и не возмездием можно об'яснить цели русского

---

1) Вера Засулич стреляла в генерала Трепова за то, что по его приказанию был наказан розгами политический заключенный Боголюбов.

политического террора. Для нашей партии террор—средство агитации, так как он дезорганизует правительство, держит его под Дамокловым мечом, устрашает, принуждает к действительным уступкам; все иные пути нам заказаны самим правительством. Не я одна, многие из нас вышли из кружков пропагандистов-народников. После долгих колебаний и бесплодных попыток мирной деятельности мы стали пробивать террором брешь в той глухой стене, о которую разбивались все эти попытки.

«Сколько погибло друзей, сколько еще погибнет»,—подумал каждый про себя. Чтобы разогнать грустное настроение, охватившее всех, Морозов обратился к Саблину:

— Коля, прочти нам одно из твоих стихотворений.

Откинув упавшую на лоб прядь темных волос, Саблин начал:

«ГОЛУБИ»

Голуби по двору ходят, воркуют
Сизой артелью своей.
Все подозрительно как-то толкуют,
Быстро летят от людей.
Часто гурьбою громадной слетаются
Мирно ко мне под окно.
Целой коммуной по братски питаются,
Делят по братски зерно,
Видно влиянье идей растлевающих
В бедной семье голубей.
Мыслей основы основ подрывающих
Социализма идей...
Где у них личность от злых ограждающей
Мудрой полиции глаз?
Где у них кормчий, их жизнь направляющий
Этот порядка кóмпас?
Здесь социализма пример замечается,
Страшный пример для людей!
Браки свободны—никто не венчается,
Нет ни попов, ни церквей.
Голуби сизые, пташечки бедные,
Развращены вы совсем,

Кем же идеи-то эти зловредные
Вам прививаются. Кем?
Скажут — природой... для благ человечества
Выскажу мненье свое,
Если природа враждебна отечеству
Выслать подальше ее».

Веселое, остроумное стихотворение разогнало налетевшую было грусть. Снова послышались смех, шутки, и бодрые речи.

Закончился вечер звуками марсельезы — прекрасным созданием Великой Французской Революции.

Начинало светать. Пора расходиться. И снова, поодиночке, по двое оставляли гости пустеющие комнаты.

Соня с Андреем вышли последними веселые и счастливые.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Перед решительным боем

Казалось, судьба берегла Александра. Взрыв в Зимнем дворце, на который возлагалось столько надежд, не принес желаемых результатов.

Подкоп под Одессой для взрыва царского поезда оказался напрасным, так как царь поехал другим путем.

Но неудачи только возбуждали энергию, только усиливали жажду победы. Все члены партии с головой ушли в работу. Становилось тревожно, начинались аресты. При обыске у Александра Дмитриевича Михайлова захватили два с половиной пуда динамита. Потеря прекрасного организатора, всеми любимого «дворника» была тяжелым ударом. Надо было торопиться, каждая минута могла принести новые аресты, а с ними вместе крушение всего дела.

На одном из собраний рабочего кружка на Васильевском острове, Желябов встретился с незадолго до того вступившим в партию новым товарищем, Николаем Рысаковым.

Рысаков, который занимался с кружком рабочих, стал жаловаться на полную невозможность вести пропаганду.

— Шпики так и ходят по пятам. Есть только одно средство защищать наше дело от покушений его расстроить — это убирать, или вернее убивать шпионов.

— Вы правы, товарищ, — улыбаясь ответил Желябов. — Террор — не только самозащита, это средство, одно из средств —

поднять открытое восстание. Народ наш так обессилен, так разъединен, что, несмотря на все притеснения, которые он терпит, на все то недовольство, которое он ощущает, он сам никогда не поднимется на защиту своих прав, пока не явится смелый, решительный предводитель. Таким предводителем в старину бывали самозванцы — Пугачев, Разин. В настоящее время им будет партия «Народная Воля».

Рысаков, не сводя глаз с красивого энергичного лица Желябова, внимательно слушал его, боясь проронить хоть одно слово.

— Не приходило ли вам в голову, — продолжал Желябов, — что вместо того, чтобы тратить силы на убийства шпиков, жандармов, губернаторов, всех исполнителей царской воли — нанести один решительный, смелый удар главному виновнику.

— Товарищ Захар [1], — волнуясь перебил его Рысаков. — Вы говорите то, о чем я думаю дни и ночи. Если б мне предложили какое-нибудь террористическое действие, я счел бы себя счастливейшим человеком.

— Для крупного террористического акта нужно еще революционное прошлое, у вас его, я думаю, нет, — сказал Желябов, снова улыбнувшись, глядя на безусое, совсем еще юное лицо своего собеседника. — Но некоторое участие в террористическом деле, я думаю, вы сможете принять.

Несколько дней спустя, Соня, собираясь уходить из дома, спросила у Андрея Ивановича:

— Ты придешь вечером к Лизе? Сегодня первое заседание наблюдательного отряда.

— Постараюсь, но не уверен; я послал туда Рысакова. Он на меня произвел отличное впечатление. Он будет полезен делу.

Все были в сборе, когда Соня позвонила в квартиру Елизаветы Николаевны Оловенниковой.

Гриневицкий, или, как его называли, «Котик» о чем-то оживленно разговаривал с хозяйкой, высокой молодой девушкой.

---

[1]) Так называли Желябова в партии.

За столом сидели: Тихомиров, Тырков, Тычинин и новое для Сони лицо — Николай Рысаков.

Поздоровавшись с присутствующими, Соня кратко сообщила о цели собрания. До сих пор подкопы не привели ни к чему. Надо пробовать иные средства. Царь ежедневно выезжает из дворца, необходимо выяснить, — когда, по каким улицам, при какой обстановке он совершает свои поездки.

Решено было, что двое из товарищей будут вести наблюдение за дворцом до определенного часа, покуда на смену им явится новая пара наблюдателей.

— Кто этот Николай? — спросил Тырков Соню, когда они вышли вместе из квартиры Оловенниковой.

— А что? — отозвалась Соня.

— Не нравится он мне. Нервничает, смеется некстати.

— Это вполне верный человек, его рекомендует Захар.

Наблюдательный отряд начал свою работу. Первое время приходилось подолгу и часто напрасно простаивать перед дворцом. Но скоро удалось определить время и направление царских выездов. Александр ездил в карете, окруженной шестью всадниками из «конвоя его величества», на великолепных лошадях и очень быстро. По будням отправлялся в Летний сад, в воскресные дни в Михайловский манеж на развод. Путь его лежал по Невскому, затем по малой Садовой [1]). Возвращался той же дорогой, а иногда мимо Михайловского театра по Екатерининскому каналу.

Мысль об устройстве подкопа все же не была окончательно оставлена. В первых числах декабря на углу малой Садовой и Невского в доме Менгден [2]) сняли помещение под торговлю сырами. Под видом супругов Кобозевых лавку держали Юрий Богданович с Анной Васильевной Якимовой. С большой неохотой уступила Соня Якимовой роль хозяйки. Самые опасные, самые ответственные задачи любила брать на себя Перовская. Из этой лавки велся подкоп под малую Садовую, как когда-то

---

[1]) М. Садовая — впоследствии Екатерининская, теперь улица Пролеткульта.

[2]) Дом Менгден помещался в том месте, где теперь находится гастрономический магазин ЛСПО; б. Елисеева. Вход в лавку был со стороны м. Садовой.

в Москве под полотно железной дороги. В случае проезда царя, динамит, заложенный в подземной галлерее, должен быть взорван.

К концу февраля план покушения был окончательно разработан. На случай неудачи с взрывом при проезде по малой Садовой — Желябов с кинжалом и четыре метальщика: Тимофей Михайлов, Гриневицкий (Котик), Емельянов и Рысаков с бомбами будут стоять на улице, готовые броситься на Александра и погибнуть с ним вместе.

Руководство и организация всего дела находились в руках Андрея Желябова; приготовление мины и бомб было поручено партийному технику Николаю Ивановичу Кибальчичу.

Двадцать седьмого февраля вечером в назначенный час все метальщики собрались на конспиративной квартире на Тележной улице. Ожидали Желябова.

— Что же это Захар не идет?

Опоздание Андрея Ивановича, очень точного во всем, что касалось дела, не могло не показаться странным.

Прошло полчаса, час... Стало очевидным, что ожидать дольше бесполезно.

— Это безобразие! — вырвалось у Рысакова.

Но хозяйка квартиры, Геся Гельфман, остановила его.

— Если не пришел, значит не мог, — тихо сказала она.

Надо было расходиться. Условились встретиться завтра, чтобы ехать за город для пробы снарядов.

Поздно вечером подходила Соня к своему дому по Первой Роте. Поглядела на окна. Темно. — Неужели уже спит? Устал, ведь, и он, — нежная улыбка осветила Сонино лицо. Поднялась по лестнице, тихонько вложила ключ в замок, открыла дверь, поглядела вокруг. Никого. — Неужели не приходил до сих пор? — Зажгла огонь, поправила волосы, с'ехавший на сторону белый воротничок. Занялась домашними делами, чутко прислушиваясь к шумам на лестнице. Нет, никого. Мало-по-малу тревога закралась в сердце. И, как мгновенная яркая молния, сверкнула в мозгу мысль — «арестован».

Маленькие часики, лежащие на комоде, показывали без четверти два.

— Не может быть никакого сомнения — он арестован.

Два раза медленно прошлась по комнате, постояла у окна, вернулась к комоду. Часы показывали два часа пять минут.

— Так задерживаться людям в нашем положении нельзя — с ним случилось несчастье.

Мысль об аресте Андрея вошла в сознание Сони и ясно, отчетливо запечатлелась в нем. Ей показалось, что сердце сжалось в комочек, стало маленьким, пустым... Не дала себе воли, не дала развиться чувству громадного безмерного горя — овладела собой.

— На послезавтра назначено покушение. Задуманное должно быть доведено до конца. А теперь надо отсюда исчезнуть. Могут притти и за мной.

Эту ночь Соня не раздевалась, быстро собрав необходимые вещи в маленький узелок, дождалась рассвета. Когда наступило утро и можно было уходить, Соня спустилась во двор и оттуда через мелочную лавочку вышла на улицу, как одна из покупательниц. Таким образом никто не заметил, как она оставила свою квартиру. Конспирация — одно из правил жизни революционеров.

— Вставайте, барышня, к вам пришли. — Голос квартирной хозяйки разбудил Елизавету Николаевну.

— Лиза, пусти, это я.

Узнала, заторопилась. — Сейчас, сейчас. — Вскочила, накинула халатик.

— Соня, так рано — откуда? и так бледна.

Не снимая ни шапочки, ни пальто, Соня присела на краешек стула.

— Я не спала. Андрей не вернулся. Он арестован, — говорила тихо, не поднимая глаз.

— Что же теперь будет — всё пропало, бедная ты моя. — Взяла Сонину руку в свою.

— Мы все должны быть к этому готовы. Это неизбежно. — Помолчала минуту.

— Лиза, я пришла вот зачем — ничего не изменится, то, что делал он — стану делать я. Предупреди метальщиков,

я не успею, пусть ждут меня завтра на Тележной в девять часов утра. — Встала, чтоб итти.

— Соня, да подожди же, выпей хоть чашку чая. — Засуетилась, приготовляя кипяток на маленькой спиртовке. Соня не возражала, чувствуя, что не хватает сил. Безмолвно проглотила поданную ей Лизой чашку и встала, чтоб итти.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

«1-е марта»

Все члены Исполнительного Комитета сегодня в сборе. На завтра назначено покушение, а между тем подкоп на Садовой не заложен, бомбы еще не снаряжены. Маленькая комната в квартире Веры Николаевны Фигнер едва вмещает собравшихся. За столом, освещенным лампой под зеленым абажуром, — сидят: Перовская, Кибальчич, Корба, Суханов, Грачевский, Исаев, Фроленко, Фигнер.

Столько вопросов осталось еще решить. С арестом Желябова многое изменилось. Теперь приходится отказываться от мысли о нападении на царя с кинжалом.

— Что сделаем мы, если Александр не поедет по Садовой?

— Все равно бомбы должны быть готовы, придется действовать только метальщикам, — был ответ.

— Я иду сейчас же на Садовую закладывать мину, — сказал, поднимаясь, Исаев. — К утру, обещаю, все будет готово.

Всю ночь кипела работа. Соня, Грачевский, Суханов и Вера Фигнер под руководством Кибальчича снаряжали бомбы. Когда часовая стрелка показала восемь часов утра, Соня решила итти.

— Сейчас готовы только два снаряда, больше я не могу дать тебе с собой, — сказал Кибальчич.

— Что же делать, возьму что есть.

Соня бережно завернула бомбы в салфетку и уехала на Тележную, где ее ждали метальщики.

— Ну, братцы, надо довольствоваться малым. Больше пока не успели приготовить. Кто же возьмет их с собой?

— Я!..

— Я!..

— Я! — раздается со всех сторон.

Никто не хочет уступить своего права — бросить снаряд. Спорить долго, однако, не пришлось. Раздался звонок. Это приехал Кибальчич и привез еще два.

— Ну, великолепно друзья, теперь все удовлетворены. Мы можем предполагать, что царь поедет в манеж, как всегда, по Невскому, завернет на малую Садовую, затем на большую Итальянскую, а из манежа либо вернется тем же путем, либо поедет по Екатерининскому каналу.

Соня взяла со стола лежащий на нем большой конверт и, чертя план местности, распределяла:

— Здесь в Екатерининском сквере станет Николай, на углу Невского и Садовой — Михаил, на углу большой Итальянской и малой Садовой — Котик с Тимофеем. Если услышите шум — спешите все к углу Итальянской и Садовой. Если Александр будет еще жив — кидайте снаряды: первый Котик, второй — Тимофей.

День выдался на редкость ясный, теплый. Начало таять. Весеннее солнце выманило на улицу толпы гуляющих. Невский буквально был запружен народом. Медленно вместе с толпой движется Соня. Вот мелькнуло лицо Веры Николаевны. Она тоже здесь на посту.

В кофейне Андреева против Гостиного двора двое посетителей за маленьким столиком о чем-то оживленно разговаривают. Это Рысаков и Гриневицкий ждут Перовскую. Открывается дверь, и появляется Соня; на мгновенье останавливается у порога, чтоб взглянуть на обоих. Рысаков бледен, взволнован, но в Гриневицком, беззаботно, спокойно доедающем свой завтрак, никто бы не заподозрил человека, через час идущего на верную гибель.

— Царь проехал по Екатерининскому каналу. Возможно, что обратно он так же поедет. Если шума на Садовой не будет, спешите все на Михайловскую. Я буду там и дам знать, что делать дальше.

Соня снова на улице. Прошла по Садовой, свернула к манежу. Увидя на площади царский экипаж, не отрывает глаз от него. Кучер тронул вожжами, сделал движение, сейчас под'едет к воротам манежа. Вот они открываются, царь выходит, садится в карету. Ни одно движение не ускользает от Сониного внимания.

Карета тронулась, миновала Садовую. Бывало иногда, что царь из манежа на 10 — 15 минут заезжал в Михайловский дворец [1]).

Соня торопится на Михайловскую улицу к назначенному месту. Метальщики все уже там. Условный знак говорит им, что надо итти на Екатерининский канал.

Сколько минут осталось до решительного мгновения? пять, десять, пятнадцать?

Пройдя по Невскому, очутилась на канале. Медленно, спокойно идет ей навстречу Котик. Поровнявшись, чуть заметно улыбается ей одними глазами.

Вот Рысаков в своем порыжелом пальто с пакетом в белой салфетке. Такой заметный пакет! Вот и Михаил. Ищет глазами четвертого — Тимофея — и не находит. Соня впивается глазами в пространство. Бесконечно тянутся минуты ожидания. Наконец, показывается темно-синяя карета с голубыми шнурами. Рысаков поровнялся с ней, размахнулся белым пакетом... раздался взрыв [2]).

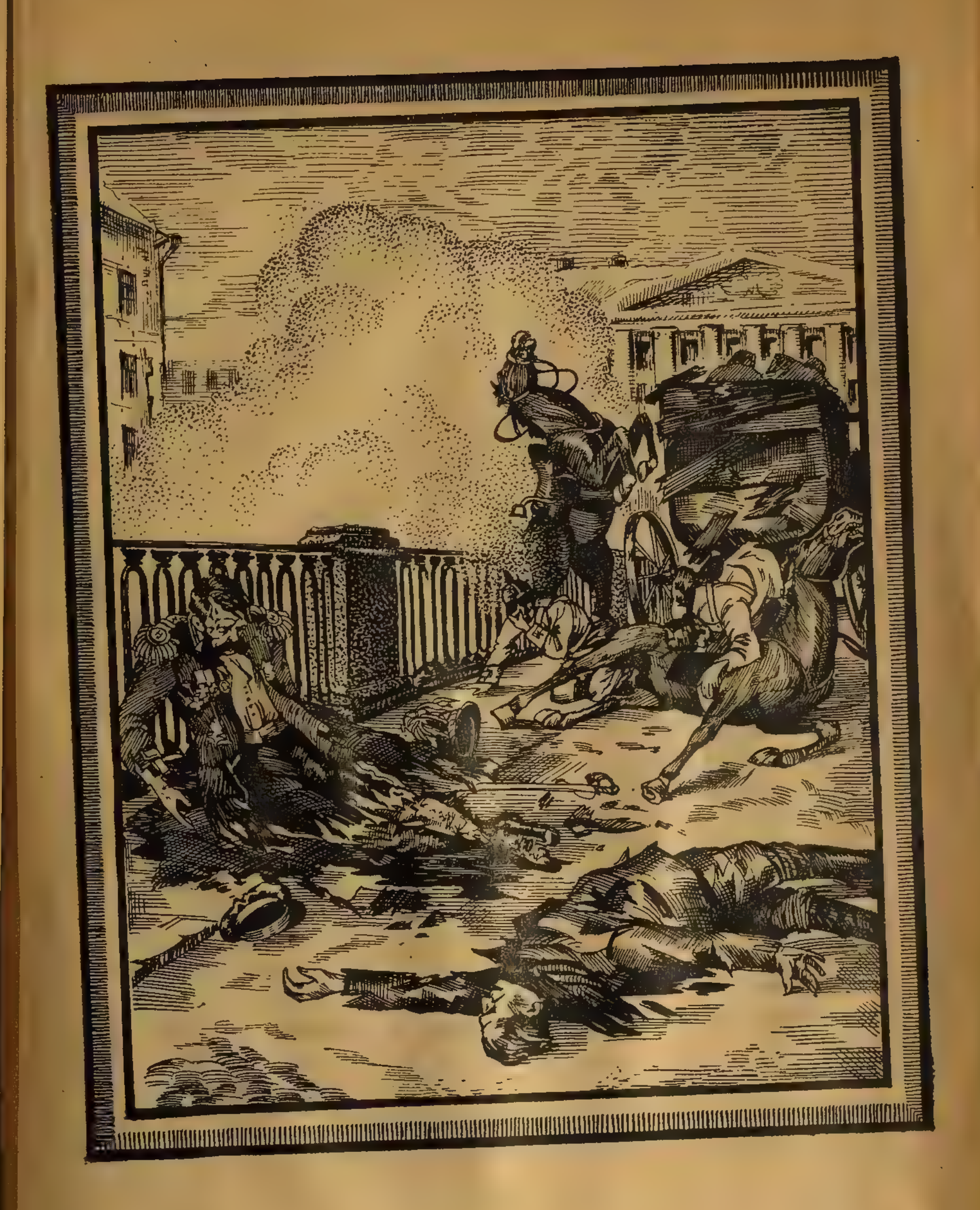
Когда дым рассеялся, Соня видит, что из кареты выходит Александр цел и невредим. Четыре казака схватили Рысакова. Возле кареты — разбитый лоток — у лотка раненый мальчик — разносчик.

Царь делает несколько шагов по панели канала... Но новый взрыв с страшной силой оглушает Соню. И теперь

---

[1]) Теперь Русский музей.

[2]) Михайлов ушел с своего поста, вследствие этого перепутались номера метальщиков, и Рысаков оказался на первом месте.

она видит разбитый экипаж, распростертый труп Гриневицкого и Александра с раздробленными ногами, скорчившегося у решетки канала.

Свершилось!

Соня поворачивает за угол на Невский. Как изменилась картина, за четверть часа до того такая мирная! Народ бежит рассыпаясь по улицам, торопясь сообщить что-то друг другу.

— Убили?

— Нет, тяжело ранили.

Бегут городовые, вот бешеным галопом промчалась сотня казаков с шашками наголо. Наскоро запирают магазины, рестораны. Мчится извозчик, кричит другому:

— Васька дьявол, — буде тебе бар возить, слышишь, государя на четыре части разорвало.

Вот страшно взволнованный офицер, стоя в санях, кричит что-то, чего разобрать нельзя. И только Соня, спокойная, как всегда, чуть побледневшая, идет обычной своей неторопливой походкой в сторону Владимирского проспекта. В маленькой кофейне на углу Владимирского и Невского ждут ее друзья.

— Ну, что? Как?

— Кажется, удачно. Если не убит, то тяжело ранен.

— Кто же это сделал?

— Николай бросил первую бомбу. Он арестован. Котик — вторую. Кажется, убит. — По лицу ее нельзя прочесть волнения, только отпечаток грусти лежит на нем.

Вечером снова собрались члены Исполнительного Комитета на квартире у Веры Николаевны.

В этот вечер была составлена прокламация по поводу сегодняшнего события. Ночью она была отпечатана, и второго марта обыватели столицы читали ее.

«Сегодня 1-го марта 1881 года, согласно постановления Исполнительного Комитета от 26-го августа 1879 года, приведена в исполнение казнь Александра II двумя агентами Исполнительного Комитета. Имена этих мужественных исполнителей революционного правосудия Исполнительный Комитет не считает возможным опубликовать.

Два года усилий и тяжелых жертв увенчались успехом Отныне вся Россия может убедиться, что настойчивое и упорное ведение борьбы способно сломить даже вековой деспотизм Романовых.

Исполнительный Комитет считает необходимым снова напомнить, что он неоднократно предостерегал ныне умершего тирана, неоднократно увещевал его покончить свое человекоубийственное самоуправство и возвратить России ее естественные права. Вам известно, что тиран не обратил внимания на все предостережения, продолжая прежнюю политику, он не мог воздержаться даже от казней, таких возмутительно несправедливых, как казнь Квятковского.

Репрессалии продолжаются. Исполнительный Комитет, все время не выпуская оружия из рук, постановил привести казнь над деспотом в исполнение во что бы то ни стало. 1-го марта это было исполнено. Обращаемся к вновь воцарившемуся Александру III с напоминанием, что историческая справедливость существует и для него, как для всех. Россия, истомленная голодом, измученная самоуправством администрации, постоянно теряющая силы сынов на виселицах, на каторге, в ссылке, в томительном бездействии, вынужденном существующим режимом — Россия не может жить так долее. Она требует простора, она должна возродиться согласно своим потребностям, своим желаниям, своей воле. Напоминаем Александру III, что всякий насилователь воли народа есть народный враг и... тиран. Смерть Александра II показала, какого возмездия достойна такая роль.

Исполнительный Комитет обращается к мужеству и патриотизму русских граждан с просьбой о поддержке, если Александр III вынудит революционеров вести борьбу с ним. Только широкая самодеятельность народа, только активная борьба всех честных граждан против деспотизма может вывести Россию на путь свободного и самостоятельного развития».

Исполнительный Комитет.
1-го марта 1881 года.

Типография «Народная Воля». 2 марта 1881 г.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

В тюрьме и на воле

Желябов спал крепким сном, когда заскрипели засовы железной двери, послышался звук отпираемого замка, и в камеру вошел надзиратель.

— Одевайтесь, вас требуют к прокурору.

— Очевидно, что-то случилось, если меня будят среди ночи и везут куда-то, — но он знал, что спрашивать бесполезно,—ни надзиратель, ни сопровождающие его жандармы не скажут правды.

Когда Андрея Ивановича ввели в кабинет прокурора, он увидел Рысакова.

— Неужели?—пронеслось в мозгу.

Подошли друг к другу, пожали руку, как старые знакомые.

— Г. Желябов, вы знакомы с пред'явленным лицом.

— Я не собирался этого отрицать. Но позвольте теперь и мне задать вам вопрос, что произошло. Что меня разбудили в два часа ночи и в такое неурочное время привезли сюда?

Прокурор поднял глаза и, внимательно глядя в лицо Желябова, ответил:

— Вы не ошиблись. Произошло событие исключительной важности. На жизнь священной особы государя императора совершено покушение, и государь скончался.

— В жизни революционной партии эта смерть большой праздник: она благодеяние для освобождения народа. Дни покойного императора были сочтены со времени казни Квятковского и Преснякова. За ним следили всегда и повсюду. Я не принял действительного участия в бывшем покушении только потому, что был лишен свободы, а нравственное же мое участие полное.

— Что скажете вы о пред'явленном лице, и кто еще принимал участие в злодействе?

— Участниками предприятия могли быть только члены боевых дружин, но кто именно участвовал в сегоднешнем деле, я не знаю. Рысаков известен мне как в высшей степени преданный революционному делу деятель.

Андрея Ивановича увезли.

Глубоко потрясенный долго ходил он по камере взад и вперед. Когда явился надзиратель с утренним кипятком, он попросил лист бумаги.

В тот же день прокурор Судебной палаты получил заявление Желябова.

«Если новый государь, получив скипетр из рук революции, намерен держаться в отношении цареубийц старой системы, если Рысакова намерены казнить, было бы вопиющей несправедливостью сохранять жизнь мне, многократно покушавшемуся на жизнь Александра II и не принявшего физического участия в умерщвлении его лишь по глупой случайности. Я требую приобщения себя к делу 1-го марта и, если нужно, сделаю уличающие меня разоблачения. Прошу дать ход моему заявлению.

Андрей Желябов.

2 марта 1881 г. Дом предварит. заключения.

P. S. Меня беспокоит опасение, что правительство поставит внешнюю законность выше внутренней справедливости, украся корону нового монарха трупом юного героя лишь по недостатку формальных улик против меня, ветерана революции. Только трусостью правительства можно было бы об'яснить одну виселицу, а не две. Андрей Желябов.

Желябов считал Рысакова глубоко преданным делу революционером. Он рекомендовал его Исполнительному Комитету с лучшей стороны. Он отозвался о нем с большим уважением перед прокурором. Обстоятельства показали, что Андрей Иванович переоценил его.

Девятнадцатилетний Рысаков взялся за то, что было ему не по силам.

«Цареубийца» — это слово кружило ему голову, он видел себя в ореоле славы, героем, совершающим подвиг... Но он не представлял себе ясно всех тех последствий, которые повлечет за собой его подвиг. Своими глазами он увидел смерть Александра, Гриневицкого, он увидел людей, которые, казалось, ненавидели его и ужасались... Он ощутил отчетливо, что смерть стоит за его спиной, ужас смерти овладел им всецело. Бодрость и гордость революционера покинули его.

— Только бы жить, жить во что бы то ни стало. Купить жизнь какой бы то ни было ценой, — и он начал выдавать участников покушения, выдавать всех, кого знал, запутывая товарищей все больше и больше.

Он был еще настолько наивен, что думал, что услугой следственной власти он купит себе помилование.

На втором же допросе Рысаков сознался, что снаряды он получил на конспиративной квартире на Тележной улице.

— Номера дома и квартиры не помню, но это второй дом от угла, в верхнем этаже.

В ночь с второго на третье марта прокурор, жандармы и пристав 1-го участка Старо-Невской части с нарядом полиции остановились у ворот дома № 5 по Тележной улице. Пристав резко дернул за звонок. Испуганный дворник в овечьем тулупе показался в воротах.

— Что прикажете, ваше благородие?

— Веди к старшому.

Когда вся компания ввалилась в дворницкую, пристав потребовал домовую книгу.

— Есть тут у вас подозрительные?

— Никак нет, ваше благородие.

Перебирая список жильцов, прокурор обратил внимание на квартиру № 5, она соответствовала данным Рысакова.

— Кто такие Фесенко-Навроцкие?

— Молодые люди, муж с женой. Ни в чем предосудительном не замечены. Люди тихие, скромные.

— Болван, — заорал пристав. — Тебя не о скромности спрашивают. Скромные-то самые подозрительные и есть. Чем занимаются?

— Уж извините, ваше благородие. Служат, должно, я не знаю, — забормотал перепуганный дворник.

— Ну, веди туда.

Поднимались по возможности тихо, но топот нескольких ног, даже заглушенный, давал себя знать.

Жизнь революционера, полная опасностей, которые грозят и днем и ночью, обостряет все внешние чувства. Хозяйка квартиры Фесенко-Навроцкая — Геся Гельфман чутким слухом различала уже шум шагов на лестнице. Встала с постели, прислушалась.

— Так и есть... Идут сюда.

— Николай Алексеевич, — постучала она в комнату Саблина, жившего в квартире под именем ее мужа. — Готовьтесь! Гости.

Вскочил, наспех оделся, подошел к дверям. В эту минуту раздался резкий бесцеремонный звонок. Саблин вернулся в комнату:

— Геся, живым я не сдамся. Надо поднять возможно больший шум, пусть узнают кругом, чтоб не ходили сюда. Прощайте, Геся, — протянул ей руку. — Я буду стрелять и в них и в себя. — Резкий стук в дверь прервал его, новый удар, еще и еще.

— Кто там?

— Жандармы с прокурором.

Саблин ответил выстрелом, из-за двери раздался другой... Еще один, два, три выстрела. Затем все стихает. Другая маленькая дверь открывается на площадку лестницы.

— Заходите, мы сдаемся, — говорит Геся.

Глазам вошедших в первой комнате предстал труп молодого человека. На столе и подоконниках стояли жестяные банки; когда один из полицейских хотел одну из них взять в руки, раздался испуганный голос хозяйки:

— Осторожнее, здесь снаряды.

3-го марта утром Тимофей Михайлов пришел к Навроцким и тут же был захвачен полицией. Не желая сдаваться, он стрелял, но это не спасло его...

Тимофей Михайлов не принимал непосредственного участия в убийстве Александра. За минуту до проезда царя он почувствовал, что не сможет бросить снаряд, и вернулся домой.

Он отрицал свою причастность к делу 1-го марта, но Рысаков выдал его с головой.

Слухи о том, что Рысаков выдает, стали ходить по городу, проникли и в среду революционеров. Соня упорно не хотела им верить.

— Этого не может, не может быть. Андрей знал его ручался за него.

— Арест на Тележной Геси и Тимофея Михайлова, смерть Саблина — это все вызвано несчастной случайностью, но никак не оговором Николая.

Соня еще хотела верить, надеялась, что Желябов не будет привлечен к делу 1-го марта. Правительство знало о громадной роли, какую он играл в партии, но арест его до цареубийства уничтожал улики против его участия в этом деле.

Но как узнать, что с ним, что происходит там в тюрьме.

— Пойти к Ирине. Дубровина говорила, что она здесь. Она может получить сведения от своего генерала.

Было поздно, когда Соня позвонила в квартиру, где было назначено свидание с Ириной Васильевной. Целый день провела она в мучительной напряженности, но работала, как всегда. Сегодня Рина должна была быть у своего знакомого генерала из высшей полиции, и сейчас она скажет ей все.

Рина уже ждала ее.

— Соня, так поздно, вы обещали к шести, я думала с вами что-нибудь случилось и волновалась отчаянно. Да вы больны — посмотрите, на кого вы похожи!

Силы изменили Соне. Всегда розовая спокойная, сейчас она была бледна, казалось, еле волочила ноги, и весь ее вид свидетельствовал о глубоком потрясении пережитым ею.

— Да, нет, Рина, пустяки. Я устала, вот и все. Была на семи деловых свиданиях и все в разных концах города. Ну, говорите, что вы узнали.

— Желябов признал себя организатором покушения. Его участь так же, как и участь всех других арестованных, предрешена. Все они будут казнены. Судебный процесс — это только для виду. — Рина произнесла эти слова, боясь поднять глаза на Перовскую.

Соня судорожным движением схватила ее за руку, и нервная дрожь охватила ее. Она не плакала, но дрожала всем телом, упавши ничком на колени Рины. Рина крепко держала в своих похолодевшие руки Сони.

— Зачем он это сделал, ведь, он сам обрек себя на смерть? — Соня овладела собой, поднялась.

— Иначе нельзя было. Процесс против одного Рысакова вышел бы слишком бледным. Честью Партии, славой ее Желябов дорожит больше своей жизни.

— Генерал в восторге от поведения Желябова. Не сочувствуя террору, он не может не восхищаться его благородством и гордостью революционера.

Смертельно - бледное до того Сонино лицо порозовело от этих слов.

— Расскажите мне все, все, что говорил вам генерал, — с жадностью впитывала Соня то, что могла ей сообщить Рина.

До поздней ночи засиделись обе. Надо было уходить. Ночевать здесь нельзя было, а своей квартиры Соня, уехавши с 1-ой Роты, не имела.

Было совсем темно, когда Соня вышла на улицу, фонари уже погасли, холодный ветер рвал ее пальто, шляпу, когда она шла по длинному Вознесенскому проспекту, направляясь к Вере Фигнер. В своем невыносимо-тяжелом душевном состоянии она чувствовала, что только у нее, у своего любимого испытанного друга может она провести сегодняшнюю ночь.

— Верочка, можно у тебя переночевать? — спросила она, заходя к Вере Николаевне.

— О чем это ты спрашиваешь? Разве об этом можно спрашивать?

— Я спрашиваю, потому что, если придут с обыском и найдут меня, тебя повесят.

— С тобой или без тебя я все равно буду стрелять, — показала Вера Николаевна на револьвер, лежащий у кровати

На другой день Соня встретилась на Невском с Аркадием Тырковым. Пошли вместе.

«Новая телеграмма о злодейском покушении. Купите». Выкрикивал мальчик-газетчик, шныряя в толпе. — «Купите, купите скорее». В телеграмме сообщалось о том, что знала уже Соня. Прочла и, не говоря ни слова, передала ее Тыркову.

— Зачем же он это сделал? — повторил он вчерашний Ринин вопрос.

— Верно, так нужно было, — ответила тихо Соня, двигаясь медленно рядом со своим спутником, глядя куда-то вдаль..

— Аркаша, — заговорила она спустя несколько минут. — Надо его спасти.

— Разве это возможно? — тихо спросил ее Тырков.

— Надо спасти, — повторила Соня еще раз, и Аркадий больше не возражал.

— Вы поможете мне. Послушайте — ищите квартиру на Пантелеймонской вблизи третьего отделения. Оттуда можно наблюдать за выездом из ворот здания в окружный суд, в дом предварительного заключения.

С этого дня Соня вся отдалась своей мечте, своему страстному желанию освободить Желябова, главного руководителя революционного движения, своего возлюбленного. Потеря его для Сони была невыносима.

Спаянная с Андреем общим делом, переживая исключительную духовную близость, она любила глубоко, безгранично, как редко кому выпадает на долю.

Ее любимый попал в руки к врагу, спасти его — стало ее неотступной мыслью.

— Соня потеряла голову,—говорили о ней друзья.

— Надо бежать, уехать заграницу, за тобою следят, ищут, ты на краю пропасти,—но Соня только пожимала плечами на все советы друзей и ничего не хотела слышать. Она жила теперь только одной мыслью. И в поисках и приготовлениях к спасению Андрея немного забывалась.

Ее мечта не сбылась.

Не прошло и недели, как она была арестована на Невском проспекте против Аничкова сада.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

СУД

арвару Степановну известили об аресте Сони, и она тотчас же примчалась из Крыма. В Петербурге она узнала, что Соню ожидает смерть. Ей так невыносимо тяжело было это знать, что она продолжала надеяться, сама не зная на что. Ей разрешили свидание с дочерью. Бесконечно отрадно и вместе с тем мучительно больно было обеим. Соня безмолвно прижималась головой к коленям матери, а Варвара Степановна только гладила, как бывало в детстве, волосы дочери. Никакие слова не могли выразить того, чем были полны их сердца...

— Варвара Степановна, вас ждет письмо, — сказали ей дома, когда она вернулась из тюрьмы.

Она узнала почерк Сони.

«Дорогая моя, неоцененная мамуля. Меня все давит и мучает мысль, что с тобой. Дорогая моя, умоляю тебя, успокойся, не мучь себя из-за меня, побереги себя ради всех окружающих тебя и ради меня также. Я о своей участи нисколько не горюю, совершенно спокойно встречаю ее, так как давно знала и ожидала, что рано или поздно, а так будет. И право же, милая моя мамуля, она вовсе не такая мрачная. Я жила так, как подсказывали мне мои убеждения; поступать же против

них я была не в состоянии: поэтому со спокойной совестью ожидаю все, предстоящее мне. И единственно, что тяжелым гнетом лежит на мне, это твое горе, моя неоцененная, это одно меня терзает, и я не знаю, что бы я дала, чтобы облегчить его. Голубонька моя, мамочка, вспомни, что около тебя есть еще громадная семья, и малые, и большие, для которых для всех ты нужна, как великая своей нравственной силой. Я всегда от души сожалела, что не могу дойти до той нравственной высоты, на которой ты стоишь, но во всякие минуты колебания твой образ меня всегда поддерживал. В своей глубокой привязанности к тебе я не стану уверять, так как ты знаешь, что с самого детства ты была всегда моею самой постоянной и высокой любовью. Беспокойство о тебе было для меня всегда самым большим горем. Я надеюсь, родная моя, что ты успокоишься, простишь хоть частью все то горе, что я теперь причиняю, и не станешь меня сильно бранить: твой упрек единственно для меня тягостный.

Мысленно крепко и крепко целую твои ручки и на коленях умоляю тебя не сердиться на меня. Мой горячий привет всем родным. Вот и просьба к тебе есть, дорогая мамуля, купи мне воротничек и рукавчики, потому запонок не позволяют носить, и воротничек поуже, а то до суда нужно несколько поправить свой костюм: тут очень он расстроился. До свидания же, моя дорогая, опять повторяю свою просьбу: не терзай и не мучай себя из-за меня, моя участь вовсе не такая плачевная, и тебе из-за меня горевать не стоит».

Твоя Соня.

22-го марта 1881 г.

Долго сидела над письмом Варвара Степановна, по десяти, по сотне раз перечитывая дорогие строчки.

Завтра она ее снова увидит, но уже на суде... и холодная дрожь охватила Варвару Степановну.

После ареста Кибальчича власти торопились закончить следствие. 26-го марта в особом присутствии правительствую-

щего сената с участием сословных представителей в помещении судебной палаты началось слушаться дело «о совершенном 1-го марта 1881 года злодеянии, жертвой коего пал в бозе почивший государь император Александр Николаевич».

Громкий процесс шести цареубийц привлек всеобщее внимание. Желающих попасть в зал суда было великое множество, но пускали только по билетам, и понятно, что никто из революционеров попасть не мог. Право на вход получили представители знати, высшего офицерства, родственники и знакомые членов суда и прокурорского надзора.

В одиннадцать часов утра большой зал суда был битком набит людьми. Блестящие шитые золотом мундиры военных, треуголки лицеистов и правоведов, нарядные туалеты дам, страусовые перья, драгоценные камни... Как на парадный спектакль, как на интересное представление явились сюда эти люди. Их влекло любопытство, хотелось увидеть этих «революционеров», неведомых и непонятных им людей, способных за идею жертвовать жизнью, где-то в подполье, в глубокой тайне делающих свое дело и с страшной силой поражающих врагов. То и дело слышались обрывки французских фраз, смех и остроты.

Варвара Степановна, как мать, получила горькое для нее право присутствовать здесь, на суде. В своем скромном шерстяном платье она казалась темным пятном в разряженной и богатой толпе. Ни с кем не разговаривая, ни на кого не глядя, занимает она свое место.

— Тише, тише, ведут подсудимых.

Первым показался Рысаков, вторым Тимофей Михайлов.

— Вот Перовская,—слышит шопот возле себя Варвара Степановна, вздрогнула, вся обратилась в зрение, впитывая каждую черточку милого, родного лица.

Светлые волосы зачесаны назад, как всегда, глаза смотрят серьезно и спокойно.

За Перовской приводят Кибальчича, за ним Гесю Гельфман и последним Андрея Желябова.

— Я имею сделать суду заявление,—поднимается с своего места Желябов.—Я полагаю, что настоящая форма суда неправильна. Судьей между нами, партией революционеров, и правительством, как заинтересованной в данном деле стороной, может быть только один всенародный суд.

Шопот пронесся по залу: — Какая смелость, — говорили одни.

— Какая дерзость,—повторяли другие.

— Ваше заявление, подсудимый, оставлено без последствий. Прошу отвечать на вопросы.

— Сколько вам лет?

— Тридцать.

— Какой веры?

— Крещен в православие, но православие отрицаю...

Опрос подсудимых продолжается.

Когда пришла очередь говорить прокурору, он не жалеет красок, чтоб очернить подсудимых. Он бросает им упрек в жестокости, в безнравственности, он заканчивает свою речь призывом — «С корнем вырвать адские плевела русской земли»...

Чуть заметная усмешка скользит по лицу Андрея Ивановича, он знает, он убежден, что наступит время, когда то, что прокурор называет адскими плевелами, разрастется по всей стране.

— Суд идет.

Все поднимаются с мест и мгновенно стихает непринужденная болтовня и смех.

К столу, покрытому красным сукном, подходят члены суда, прокурор... Горькой усмешкой передергиваются губы Варвары Степановны. Прокурор Муравьев. Коля Муравьев — товарищ детских игр Сони, теперь ее обвинитель, и в его руках ее жизнь... ирония судьбы.

Желябов не пожелал иметь защитника.

— Господа судьи, дело всякого убежденного деятеля дороже ему жизни. Дело наше здесь было представлено в извращенном виде.

Первоприсутствующий останавливает его.

— Русские народолюбцы не всегда действовали метательными снарядами. В нашей деятельности была юность розовая, мечтательная и, если она прошла, то не мы тому виной.

— Подсудимый, вы выходите из тех рамок, которые я указал, — снова прерывает его председатель.

— Итак, переиспытав разные способы действовать на пользу народа, мы избрали мирную пропаганду социалистических идей. Движение безобидное. Но чем оно кончилось? Оно разбилось о многочисленные преграды в лице тюрем и ссылок.

«Непродолжительный период нахождения нашего в народе показал всю книжность наших стремлений. Мы убедились, что при тех препятствиях, которые ставило правительство, нельзя провести в народное сознание социалистические идеалы целостью, и социалисты перешли к народникам, мы решили действовать во имя интересов народа, им самим сознаваемых...

«Вместо пропаганды социалистических идей выступает на первый план агитационное возбуждение народа во имя его насущных интересов. Но желая поднять восстание народа, мы поняли, что должны уделить часть своих сил на политическую борьбу — с целью насильственного переворота путем заговора.

«Цель моей жизни была служить общему благу.

«Долгое время я работал путем мирным и только затем был вынужден перейти к насилию.

«Мирный путь возможен, от террористической деятельности я отказался бы, если бы изменились внешние условия»...

Соня не хотела говорить на суде, но обвинение в безнравственности, в жестокости задело ее.

— Много, очень много обвинений сыпалось на нас со стороны господина прокурора. Относительно фактической стороны я не буду ничего говорить, но относительно обвинений меня и других в безнравственности, жестокости и пренебрежении к общественному мнению, относительно всех этих обвинений я позволю себе возражать и сошлюсь на то, что тот, кто знает нашу жизнь и условия, при которых нам приходится действовать, не бросит в нас ни обвинения в безнравственности, ни обвинения в жестокости...

Геся Гельфман, Кибальчич были очень кратки, только по частному вопросу сделал Кильбачич заявление — он сообщил о проекте воздухоплавательного аппарата, им изобретенного в тюрьме.

Четыре дня тянулся процесс.

Наконец, приговор был об'явлен в окончательной форме.

Все шесть подсудимых приговаривались к смертной казни через повешение.

Все они встретили его спокойно и мужественно. Только Рысаков надеялся, продолжал еще надеяться, что предательством купит жизнь.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Казнь

пышностью, зловеще, торжественно обставляло на этот раз правительство акт своей мести. Заранее официально было об'явлено, что 3-го апреля в 9 часов утра на семеновском плацу произойдет казнь пяти [1] цареубийц в виду полиции, войск и народа.

С раннего утра на улицах, примыкающих к дому предварительного заключения на Шпалерной, началось движение. Проходили войска, проезжали казаки, теснились люди; лица одних выражали томительную тревогу, лица других говорили только о любопытстве поглазеть на невиданное доселе зрелище.

— Скоро ли повезут-то, долго ли ждать-то, родимый, — спрашивает старушонка в ветхом салопишке у молодого рабочего с нервным, судорожно подергивающимся лицом.

— А знаешь ли ты кого повезут-то? — бросает он ей в ответ и отходит прочь.

Вот к воротам тюрьмы протискивается в толпе пожилая женщина с лицом, выражающим такое страдание, что на нее больно смотреть. Это Варвара Степановна.

---

[1] Гесе Гельфман в виду ее беременности отложили казнь до разрешения ее от бремени. Казнь ей заменили впоследствии бессрочной каторгой, но она умерла в тюрьме вскоре после родов.

По русским законам приговоренные к смертной казни имеют право в последний раз увидаться с родными: Варваре Степановне назначили это последнее свидание на 3 апреля. За что же они так издевались над ней?

— Сейчас, сейчас, — пронесся шопот в толпе.

Скрипнули тяжелые тюремные ворота, медленно поддались назад, и на Шпалерную выезжает карета, в которой сидит палач Фролов с помощниками.

За ней первая позорная колесница.

Черный арестантский халат до неузнаваемости изменил Андрея Ивановича. Руки его привязаны к сидению, на груди черная доска с белой надписью: «цареубийца». Рядом с ним зеленовато-бледный с искаженным лицом — Рысаков.

А вот и вторая колесница показалась в воротах.

— Сонечка, деточка, — хочет крикнуть Варвара Степановна и без чувств падает на руки поддержавших ее чужих людей.

Светлые Сонины волосы спрятаны под уродливой черной повязкой в виде капора. Руки, как у прочих подсудимых, привязаны к сидению, и на груди та же черная доска с белой надписью.

Но серые глаза глядят спокойно, и лицо сохраняет свой обычный розоватый оттенок. По обеим сторонам Сони сидят Кибальчич и Михайлов.

— Молоденькая такая, да красивая, жалко уж очень, — всхлипывает старушонка в потертом салопчике.

За осужденными двигается карета с священником, и весь зловещий поезд под конвоем конных и пеших войск заворачивает на Литейный.

— Прощайте, товарищи, за вас умираем, — кричит Тимофей Михайлов, но барабанный бой заглушает его слова.

Миновали Кирочную, Надеждинскую, Николаевскую. Под'езжают уже к месту казни.

Казаки и конница окружают плац: плотной, непроницаемой стеной толпился народ за шпалерами войск.

Черный квадратный помост высится посредине, на помосте два столба с перекладинами. Позади — пять черных деревянных гробов с белыми парусиновыми саванами.

Колесницы остановились. Палач в синей поддевке и два его помощника выскакивают из кареты, подбегают к осужденным, привычным и ловким движением отвязывают их друг от друга и от колесниц и вводят на эшафот...

Несметная толпа затихает, как один человек, тысячи глаз, не отрываясь, глядят на жуткий квадрат.

Вот одна из пяти черных фигур, стоящих на помосте, Перовская, делает шаг в сторону Кибальчича и Михайлова и поцелуем прощается с ними. Вот подходит она к Желябову, целует и его... в последний раз... Но от Рысакова отворачивается, Софья Перовская верна себе в жизни и в смерти, умевшая любить, но не желавшая прощать...

Затрещали барабаны. Палач начинает свои отвратительные приготовления...

Вот на черном помосте уже пять белых фигур в длинных узких, покрывающих и лицо страшных саванах висельников. Барабанный бой продолжается.

Палач подходит к Кибальчичу, закидывает петлю ему на шею, привычным движением выбивает скамейку из под ног, и тело Кибальчича безжизнено повисает в воздухе.

Покончив с Кибальчичем, Фролов приближается к Михайлову и затягивает петлю, но веревка не выдерживает тяжести, и тело Михайлова падает на землю.

Палач не растерялся, он ловким движением набрасывает новую петлю, но веревка ли попалась гнилая, тело ли было слишком тяжело,—Михайлов вторично падает вниз.

Глухой гул проносится по площади. Сонино лицо закрыто саваном, она не знает, не может понять, что случилось. Палач снова поднимает Тимофея, снова затягивает веревку. Толпа продолжает гудеть. Неужели опять оборвется?!

Маленькая белая фигурка неподвижна, как изваяние, жуткое, страшное. И кто знает, какие мысли, какие чувства владеют Соней в эти последние мгновения ее жизни.

Быть может, ей чудится, что прозрела толпа людей, пришедшая сюда лишь глазеть, лишь щекотать свои нервы жутким невиданным зрелищем.

Быть может, кажется ей, что эти чуждые равнодушные люди поняли в это мгновение, за что умирает такой страшной смертью здесь, на эшафоте, она и ее друзья.

Быть может, видится ей, что толпа, эта громадная тысячная толпа с красными знаменами и пением революционного гимна — прорвала шпалеры войск, ринулась вперед...

Маленькая белая фигурка попрежнему неподвижна, как страшное бесформенное изваяние.

Стихает гул толпы. Палач приближается к Соне, закидывает петлю. Судорожно вздрагивает тело... и маленькая женская фигурка висит в воздухе.

С жуткой отвратительной ловкостью палач продолжает работу.

В девять часов тридцать минут на Семеновском плацу все было кончено.

Затих барабанный бой.

С шумом и говором схлынула толпа от места казни. Лишь у черного помоста копошатся люди, а над ними, на громадной толстой перекладине, медленно раскачиваются пять белых фигур в узких и длинных саванах...

Цена 1 руб.

